

Люди и судьбы

«Злой гений»

Предисловие

В 1990–2000-е гг. в Пушкинский Заповедник в «День Памяти» А. С. Пушкина, на «Праздники Пушкинской поэзии» приезжала из г. Риги зам. председателя «Пушкинского общества Латвии», журналист и ведущая на рижском радио «Духовной страницы» Светлана Александровна Видякина. Однажды в беседе она упомянула фамилию Фока, и оказалось, что в Риге живет Сергей Сергеевич Фок, потомок декабриста, старшего брата Виктора Александровича Фока, мужа Екатерины Ивановны Осиповой, дочери Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, доброго друга великого поэта, владелицы соседнего с пушкинским Михайловским имения Тригорское. Написал письмо Сергею Сергеевичу, он ответил, прислал копии документов, фото. Среди них обнаружилось письмо к нему Антонина Александровича Попова, ученого, писателя, автора известной книги «Декабристы-псковичи», из которого выяснилось, что в Ленинграде на Московском проспекте живет его сын. Приезжаю в С. - Петербург, подхожу к известному дому, за мною идет пожилой мужчина, заходим в подъезд, вежливо спрашиваю его, не в этом ли подъезде квартира Кучиных. «Да! Я — Кучин Андрей Алексеевич!» — был ответ. Объяснил, кто я и зачем приехал из Пушкинских Гор. Он пригласил в квартиру и принёс в гостиную старенький чемодан. Со словами «Смотрите, — это бумаги отца, что нужно возьмите, публикуйте, я по профессии ракетостроитель, историей, краеведением не занимаюсь». С трепетом открываю чемоданчик, а в нём статьи Антонина Александровича, выполненные на печатной машинке с его правками, старинные фотографии г. Новоржева, его жителей. Среди работ — большая статья под названием «Злой гений», оставшаяся в рукописи. Читаю и прихожу в восторг — беру! Взял и другие работы, имеющие отношение к пушкинской теме. Труд А. А. Попова перевёл в электронный вид с некоторыми поправками. Рад, что работа замечательного учителя, писателя, краеведа увидит свет.

В папке среди работ самого А. А. Попова обнаружилась и статья доктора педагогических наук, профессора Института образования взрослых РАО *Е. П. Тонконогой* «Славный юбилей», посвящённая 90-летию А. А. Попова. Решил сделать из неё выборку и тоже представить вниманию читателей, — чтобы получить более ясное представление об авторе «Злого гения». Вот они:

«Антонин Александрович Попов — видный специалист в области образования взрослых, заслуженный учитель Российской Федерации, бывший старший научный сотрудник НИИ общего образования взрослых АПН СССР, писатель, краевед.

Родился он 20 сентября (нового стиля) 1907 г. в селе Марыни Новоржевского уезда, Псковской губернии в семье священника, впоследствии протоиерея. Его детство и школьные годы прошли в городе Новоржеве. По окончании средней школы юноша уезжает в Ленинград, устраивается на завод ... В 1926 г. А. А. Попов, несмотря на «неблагополучное» происхождение, все же поступил на историко-филологический факультет Ленинградского Государственного университета... В ту пору прозвучал страстный призыв С. М. Кирова к молодёжи — удесятерить силы в борьбе с беспризорностью. Следуя велению сердца, молодой

студент пошел работать воспитателем в колонию для трудно-воспитуемых детей, продолжая и учиться. В 1933 г. молодому специалисту предложили руководить Бологовской колонией малолетних правонарушителей. И А. А. Попов, вбирая в себя всё лучшее, выработанное педагогической теорией и практикой, выдвинул идею создания нового типа учебного заведения — военизированной школы трудового воспитания... Идея была принята... Это учебное заведение было своеобразным прообразом суворовских училищ... В июне 1934 г. А. А. Попов был принят С. М. Кировым, который в заключение беседы сказал: «Вы делаете государственное дело. Побольше бы таких школ...». 21 августа 1935 г. газета «Ленинградская правда» в статье, инспирированной «органами», объявляет его «классовым врагом», началось следствие, и военный трибунал в 1936 г. определил ему 8 лет лишения свободы. Лишь по 10-й жалобе в июне 1940 г. А. А. Попов был освобождён и вновь вернулся на педагогическую работу.

С началом Великой Отечественной войны А. А. Попов назначается уполномоченным Леноблпо по эвакуации детей в Кировскую область. Призванный в армию, в мае 1942 г. направляется на Калининский фронт ... В марте 1943 г. на фронте в разгар боев вступает в партию... За образцовое выполнение боевых заданий награждается тремя орденами и 15-ю боевыми и трудовыми медалями ... После второго тяжелого ранения А. А. Попова демобилизуют и он возвращается в Ленинград, где назначается директором мужской средней школы № 32 Октябрьской средней школы.

Работа в школе ладилась ... Когда праздновали День Победы, то у директора родилась мысль провести в её честь велопробег Ленинград-Москва, создав команду из ребят-блокадников ... Москва торжественно встретила его участников, а организатор пробега был назначен начальником Отдела школ Октябрьской железной дороги ... Руководимая им школа становится лучшей ... Переданная в ведение Ленгорпо под № 92 сохраняет это место и в городе, и в республике. Ее директору присваивают почетное звание «Заслуженного учителя школы РСФСР» ... В 1965 г. школа стала участницей ВДНХ и получила диплом 1-ой степени за создание системы нравственного и эстетического воспитания учащихся и высокую успеваемость, а ее директор был награжден серебряной медалью. С работой школы знакомятся делегации социалистических стран, а также США, Индии, Швеции. 92-я становится опорной школой Научно-исследовательского института общего образования взрослых АПН СССР, куда в 1968 г. и перешёл А. А. Попов в качестве младшего, а затем и старшего научного сотрудника.

За период работы в институте А. А. Попов проявил себя как высококвалифицированный специалист, отличающийся глубокой эрудицией и творческим мышлением, отличный организатор и руководитель исследовательской группы, разносторонний исследователь, успешно решающий ведущие школоведческие проблемы, автор трёх монографий, 36 журнальных, газетных статей и брошюр. За десятилетие педагогической и научной деятельности А. А. Попову объявлялась благодарность в 34 приказах... Он награждён 29-ю почётными грамотами, в числе которых 9 грамот Академии педагогических наук СССР, и медалью К. Д. Ушинского за плодотворную научно-педагогическую работу. Будучи с 1979 г. на пенсии, А. А. Попов продолжал трудиться на литературном поприще. Им написано 6 пьес, а также такие книги как «Декабристы псковичи», «Новоржевское подполье», «Бесшумный поиск», «Злой гений», «Когда решать судьбу людей дано...» и др., напечатаны 86 очерков и статей в газетах... Многое сделано для близкого его сердцу города Новоржева... (Доктор педагогических наук, профессор Института образования взрослых РАО Е. П. Тонконогая. 1997. Санкт-Петербург).

*В. Г. Никифоров, методист Музея-заповедника
А. С. Пушкина «Михайловское»*

«Злой гений...»

Свершилось. После 327-дневной осады Порт-Артур капитулировал. Газеты всего мира под кричащими заголовками сообщали о трагической развязке. Берлин: «По общему мнению оборона Порт-Артура останется одним из самых блестящих и славных военных подвигов»¹. Великобританские морские эксперты страны, далеко нам недружественной, объявили: «Оборона генерала Стесселя и его войск покрыли себя неувядаемой славой»². Французская «Либерете» писала: «Конец эпопеи. Солдаты и Стессель выйдут из Порт-Артура с челом овеванным славой. Они дали пример удивительной храбрости, на которую способны лишь люди, воодушевлённые любовью к своей родине»³.

Российская столичная газета «Новое время» доводила до сведения своих читателей, что «с каждым днём становилось яснее и очевиднее, что неравная борьба делалась уже совершенно бесцельной»⁴.

22 тысячи солдат сухопутных войск, более 2500 моряков и свыше 3500 нестроевых, больных и раненых, могущих нередко при помощи товарищей, преодолеть девятнадцативерстный переход, направлялись к месту сбора. Повзводно, поротно полк за полком по разбитым мостовым Старого и Нового города двигались уже «по чужой земле» в плен⁵. На челе солдат сияла не слава, а отражалась смертельная усталость, какая-то злобная отчужденность от всего совершавшегося. В колоннах черных бушлатов, с залихватски надвинутыми бескозырками лица матросов выглядели угрюмыми. Иногда они оборачивались в сторону родного порта, где на судах суетились, хозяйничали японцы. Английская «Рейтер» информировала: «Вдоль дороги были построены японские войска, отдававшие честь, когда проходили высшие офицеры. Русские офицеры были при холодном оружии, низшие чины были безоружны»⁶.

«Новое время» от 26 декабря 1904 года уведомяло, что из всего многочисленного офицерского корпуса, только 80 офицеров дали слово не принимать участия в военных

действиях против Японии и отпускались в Россию. Возвращался на родину и начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель со своим начальником штаба полковником В. А. Рейсом для непосредственного доклада императору о событиях в Порт-Артуре⁷. Все же остальные генералы, морские военачальники и офицеры направлялись в плен. Среди них: комендант крепости К. Н. Смирнов, начальник 4-й Восточно-Сибирской дивизии А. В. Фок, начальник артиллерии В. Н. Никитин, адмирал М. Ф. Григоренко, капитан 1 ранга Н. О. Эссен и др. Для них война кончилась, они вступили в новую полосу жизни.

Начиналась новая полоса и в жизни страны. 9 января 1905 года всколыхнуло Россию. Ширилось стачечное движение. Умы возбуждены. Война явилась ускорителем революции: поражение в августе 1904 года под Ляояном, безрезультатное сражение в сентябре на реке Шахэ, падение Порт-Артура, и в феврале 1905 года позорное поражение русской армии под Мукденом — всё отразилось на подъеме революционного движения.

Если в январе 1905 года В. И. Ленин писал: «... генералы и полководцы оказались бездарными и ничтожными...»⁸, то после Мукдена среди радикально настроенной интеллигенции и передовых рабочих заговорили о прямой измене генералитета. Подобные высказывания подогревались необъективными, беспринципными журналистами типа Ножина, автора книги «Правда о Порт-Артуре» (впоследствии опровергнутой в ходе судебного процесса). Встревоженное нарастанием революции и под давлением общественного мнения правительство маневрирует — Николай II вынужден был образовать 15 марта 1905 года следственную комиссию под председательством генерала от инфантерии М.Ю. Роопа по делу о сдаче крепости Порт-Артура Япониям⁹. Предполагаемые виновники ещё находились в плену, испытывая унижения и тяготы своего положения.

Попов А. А.

Фок А. В.

Давление общественного мнения особенно усилилось после Цусимы, в том числе и на комиссию Роопа. С одной стороны высочайшая резолюция, а с другой — возбуждённые толпы. Стачное движение бурно разрасталось, начались волнения в армии и на флоте, выступления крестьян. Во имя собственного спасения царизм вынужден был пойти на унижительный Портсмутский мир в августе 1905 года. Пытается реформами успокоить общество, взбудораженное всеобщей стачкою, пойдя на издание печально знаменитого Октябрьского манифеста, внесшего раскол среди интеллигенции и состоятельных слоев, посчитавших революцию законченной. Особенно после подавления декабрьского вооружённого восстания в Москве.

В декабре 1905 и январе 1906 годов началось возвращение военнопленных, что означало действительное окончание войны. Генерал-лейтенант А. В. Фок вернулся с возглавляемой им дивизией и стал спешно доукомплектовывать её, приводить в порядок, вооружать. Возвратился из плена и бывший комендант крепости генерал Смирнов и, неудовлетворёнными амбициями, обойдённый наградами и обиженный на Стесселя за назначение начальником сухопутной обороны не его, а Фока. Осведомлённый о следственной комиссии, решил играть по-крупному, чтобы снять с себя какую-то ни было ответственность за падение Порт-Артура, взвалив всю вину на Стесселя и Фока. С этой целью он подготавливает для комиссии специальный доклад, обвиняющий обоих генералов в предательской деятельности. А для создания вокруг них соответствующего общественного мнения устанавливает связь с ранее близким к нему журналистом Ножиным, в своё время за неблагоприятные поступки лишённого корреспондентской карточки. Инспирируя его на создание тенденциозной, клеветнической книги о Порт-Артуре, где истинным героем обороны является уже Смирнов, вдохновляющий её защитников. Стессель же выступает в роли человека деморализующего дух обороняющихся. И особенно достаётся генералу Фоку, якобы своим поведением растлевающего войска. Автор выражает уверенность, такие черные люди «как Стессель и Фок..., увенчанные лаврами и крестами..., предста-

нут во всей отвратительной наготе перед судом обновленной России»¹⁰.

Изданная книга и газетная шумиха вокруг неё не остались незамеченными.

Внезапно генерал Фок, погружённый в заботы о дивизии, приказом «Его Императорского Величества отчисляется от настоящей должности с прикомандированием к Главному штабу»¹¹. Прибыв в столицу, Александр Викторович никакой новой должности к своему удивлению не получил, а равно и поручений. Он испросил разрешение на время отбыть в имение Лысую Гору Опочецкого уезда Псковской губернии, принадлежавшее ему с братом Алексеем, отставным ротмистром¹². Местное дворянство избрало Алексея Викторовича Фока земским начальником 2 участка. Его кабинет помещался здесь же в имении, в отдельном флигеле¹³. Наличие этого кабинета несколько коробило приехавшего в отпуск генерала.

Фамильное поместье Фоков Лысая Гора находилось в трёх верстах от села Тригорского и в семи от села Святые Горы. Барский дом с мезонином стоял на крутом берегу реки Великой в окружении парка, разбитого по так называемым, «живописным лысогорским альпам», переходящего в лес. Лес тянулся по всему правобережью почти до самого Селиховского моста через Великую. (Мост находился в районе деревни Селихово. — В. Н.) Лес был большой, по-настоящему ухоженный ещё их отцом Виктором Александровичем. В нём росли ценные породы деревьев: дуб, ель, сосна, клён, липа. Была разветвленная система осушительных канав, дренаж, лесосеки, имелся питомник, саженцы которого охотно покупала железная дорога.

У дома — традиционный цветник, предмет особых забот матушки Екатерины Ивановны, урождённой Осиповой, и Александры Михайловны, жены Алексея Викторовича. И каких только здесь не было цветов — многолетние, и однолетние с необыкновенно приятным, слегка дурманящим запахом. Поражали розы, доставленные с Кавказа, тюльпаны, тоже откуда-то выписанные. С обширной террасы, украшенной вычурными балясинами, открывался чудесный вид на левобережные поля. В них были вкраплены купы дубов или сосен, напоми-

нающие полотна Шишкина. Вдали радовала глаз соседняя усадьба, утопающая в зелени садов. За домом, там, где кончалась подъездная липовая аллея, стояли в разбивку жилые и хозяйственные постройки, меж ними два пруда: один обсаженный ивами, другой — молоденькими пихтами, одиночки которых сохранились и по сию пору на берегу заболоченного, вдвое сократившегося водоёма. В прудах, в глубине водились крупные раки. Изредка для господского стола их ловили, опуская на ночь плетёную вершу с кусочками мяса. Далее, на склоне первого ручья, а их было целых три, впадавших в Великую и поросших орешником, излюбленном местом для лежки кабанов, — находился сад с небольшой пасекой. Тут же плантации ягодных кустов и ананасной земляники. В наши дни по склонам оврага ещё можно встретить эту одичавшую и всё же ещё крупную с изумительным ароматом ягоду.

Хозяйство было многоотраслевое — лён, мясо-молочная продукция. Земли было тысяча с небольшим десятин. Из них 568 — Александра Викторовича, а 442 принадлежали брату. Имение пока было нераздельное.

После длительной разлуки свидание с матушкой Екатериной Ивановной, которая, слава Богу, несмотря на 84 года, ещё здравствовала, было особенно радостным. Она знала, что Александр находился в плену и горько переживала эту беду. В роду Вындомских, Осиповых, да и Фоков, насколько ей известно, такого не бывало. Поэтому возвращение своего первенца, к тому же генерала, отметила появлением за общим столом в кресле-каталке, которое возил «казачок» — мальчишка, пристроенный Алексеем. И обряжен он был в настоящую казачью форму, видимо, напомиравшую подполковнику в отставке его службу в Кубанском казачьем полку. Как всегда, Екатерину Ивановну сопровождала её наперсница, горничная Александра, до недавнего времени бывшая управительницей дома, которую младшие Фоки называли не иначе как тетя Саня. «Последнее время, — поясняла Саня, ещё девочкой взятая из Тригорской дворни, — барыня на ноги села, да и головушка уже не та, чтобы управляться всем хозяйством...». Тёплая встреча была с братом, с невесткой, приятными встречи с

соседями Корсаковыми, Шелгуновыми из сельца Дериглазово, с родными в Тригорском и Голубове. Незаметно пролетели летние дни, наполненные такими занятиями, как охота, рыбная ловля, выездка молодых рысаков с новым кучером Семеном, списанным по ранению из солдат этой войны.

В начале сентября из Главного штаба телеграфировали: «Святые Горы. Генерал-лейтенанту Фоку: Вам необходимо прибыть к следователю действительному тайному советнику Быкову к 15 сентября 1906 года»¹⁴. От дежурного генерала Главного штаба он узнал, что вызван не в качестве свидетеля, а обвиняемого. Это в корне меняло дело. «Ну, да, — подумал он, — разберутся.

Однако первое знакомство со следователем сулило мало приятного. Похоже, что ни о каком торжестве справедливости не могло быть и речи. Потянулись недели холодно-вежливых допросов, в ходе которых упорно добивались показаний против самого себя, чем доводили его, человека по натуре вспыльчивого, к тому же контуженного в голову, до припадков параксизма. Всё шло по заранее разработанному сценарию, в основе которого, как он позднее установит, лежал пресловутый доклад генерала Смирнова.

Предварительное следствие велось в условиях меняющегося политического фона, испытывая на себе в той или иной степени его давление. В один из ноябрьских дней Фоку прямо на петербургскую квартиру (Невский, 153), доставили пакет из Главного штаба, в котором извещалось, что «следствие 3 сего ноября закончено... и дело его препровождено главному прокурору..., о чём Главный штаб сообщает вашему превосходительству для сведения»¹⁵.

Следствие закончено, а свистопляска в печати продолжается. Доклад Смирнова подлил масла в огонь — стоустая молва, разноликая пресса склоняют его имя на все лады, получив после манифеста возможность говорить, что угодно и о ком угодно. Наиболее популярные сатирические журналы: «Стрель», «Пулемет», «Жупел» и др. давали беспощадные характеристики государственным и общественным деятелям. А в № 3 от 7 янва-

ря 1906 года «Стрелы» поместили в кавычках список «истинно русских людей», «героев и спасителей России»: ¹⁶

Трепов, Витте, Адлерберг,
Фридерикс и Штакельберг,
Плеве, Кутлер, Газенкамф,
Рейнбот и Ренненкамф,
Нирод, Каульбарс, Ламздорф,
Бильдерлинг и Мейендорф,
Клейгерс, Унтербергер, Эллер,
Нолькен, Валь, Рейбен, Келлер,
Стессель, Гессе, Лейхтенберг,
Остен-Сакен, Гриппенберг...
Мегден, Будберг, Плеске, Фок,
Врангель, Флут, Капнист, Стенбок...».

— и так до бесконечности. «Не истинно русский Ив. Ив. Иванов...». И здесь, как видим, не обошлось без Фока. Вот уж поистине правы японцы, говоря: «Ложь не имеет ног, но обладает скандальными крыльями». Чего только не говорили о нём! Газеты разных направлений точно оспаривали право первенства на ругань этого «немца». Хотя его далёкие предки были голландского происхождения и, видимо, имели отношение к флотскому делу — не случайно «фок» — это прямой парус на передней мачте корабля. Критика переходила всякие пределы, отбросив принцип презумпции невиновности. Назойливо, на все лады повторялась характеристика, данная Ножиным: «Бестолковый, пристрастный, упрямый и недобросовестный начальник и офицер» ¹⁷. Писалось о прямой измене. Появились нелепые слухи о получении Стесселем 16 миллионов рублей за сдачу Порт-Артура и немногим менее Фоком ¹⁸. Называли последнего «дураком» и «прохвостом». Много позже судебного процесса, уже в советское время, в предвоенные годы, вышел в 4 частях роман писателя А. Н. Степанова «Порт-Артур», основанный не на подлинных документах, а на газетной молве, необъективных воспоминаниях. В нём фигурируют те же эпитеты, предназначенные «немцу» Фоку, воспроизводится версия о шпионаже, причастности его к гибели генерала Кондратенко, получении денег от японцев: «Если до 20 числа (декабря 1904 г. — В. Н.) Артур не падёт, то мы с тобой, — говорит Фок Стесселю, — лишимся нескольких миллионов долларов» ¹⁹. В точно-

сти повторяются доказательства его измены, почерпнутые из доклада генерала Смирнова. Хотя автор развенчивает и самого Смирнова, рисуя его карьеристом и трусом.

Показ «коварной» роли русских немцев в канун фашистского нашествия способствовал успеху романа. Тем более, что в официальной исторической науке при оценке этих событий исходили из незыблемых суждений Ленина, Сталина. Не говоря уже о школьных учебниках под редакцией проф. Панкратовой, где не одному поколению школьников вдалбливалось в головы: «Порт-Артур был предательски сдан японцам изменниками — генералом Стесселем, Фоком и другими, хотя крепость еще имела возможность обороняться» ²⁰. Лишь в учебнике 1986 года под редакцией Ю. О. Кучкина эта формулировка изъята.

Александр Фок не обращал внимания на безудержную клевету и поношения в печати. Это давало повод многим считать его на самом деле виноватым в возводимых обвинениях. Но, познакомившись с опубликованным докладом Смирнова, он уже не мог дольше молчать и заговорил в полный голос в своей печатной объяснительной записке по поводу обвинения его генералом Смирновым в предательской деятельности. Лишённый чувства мелочной мстительности, он готов был многое простить, но только не это обвинение, так болезненно им переживаемое.

Его предательская деятельность усматривалась Смирновым в отсутствии упорной обороны, оставлении ряда позиций, невыполнении приказов и в капитулянтских настроениях. Как пример приводился выход из боя при Цзин-Чжоу и оставление Нангалинской позиции. В «Объяснительной записке» ²¹ Фок, прежде всего, указал, что согласно приказу командующего Маньчжурской армией целью его дивизии являлось не удержание позиций, а своевременный отход к Порт-Артуру. Оставление же Нангалинской позиции, превосходной по оценке Смирнова, спасало 4 дивизию от разгрома. Она не имела естественных препятствий и была протяженностью 12–15 вёрст, в то время как по уставу полагалось на дивизию не более 3 вёрст. Она простреливалась с фланга и с тыла. Противостоящие 4 дивизии противника при 280 ору-

дях без труда смяли бы дивизию Фока и сходу могли бы захватить крепостные верхи, не подготовленные еще к обороне с суши...²². Крепость-то рассчитана на осаду с моря.

Пункт за пунктом, ссылаясь на представленные им документы, Фок опровергает возводимые против него обвинения. Потребовав в заключение, чтобы Смирнов привёл хотя бы одно его высказывание, свидетельствующее о капитулянтских настроениях. В целом аргументация Фока с упором на документы, соответствующие схемы и чертежи, казалось, была неотразимой. Но, к сожалению, не оказала влияния на комиссию Роопа, а тем паче на общественное мнение. Он рассчитывал найти понимание на заседании Частного Присутствия Военного Совета Империи по делу сдачи Порт-Артура, где будут рассматриваться материалы предварительного следствия и его Объяснительная записка. Ему представлялось, что в комиссии, состоящей из лучших, образованнейших людей Российской империи, разберутся и непременно установят, где правда, а где ложное доношение. И ему вновь пришлось испытать нервное потрясение, когда зачитывались ложные доносы и показания недобросовестных свидетелей. Его надежды оказались призрачными. Частное Присутствие Военного Совета постатейно большинством голосов (нередко с перевесом в один голос) поддержало обвинение против Фока и других обвиняемых.

7 апреля 1907 года оно составило своё «Заключение» на усмотрение императора²³. Таким образом, «козлы отпущения» найдены и тем самым как бы с правительства снималась ответственность за позорно проигранную войну, и одновременно осуществлено требование общественности о наказании виновных.

28 апреля 1907 года Николай II утвердил «Заключение» следующей резолюцией (слева синим карандашом написано рукой царя): «Утверждаю мнение большинства. Морских чинов суду не придавать». Военный министр Редигер не решился исправить орфографическую ошибку венценосного правителя в слове «предавать». Собственной рукой ниже он воспроизвел резолюцию, но уже без ошибки²⁴.

Главному военному прокурору Рыльке ничего не оставалось, как только направить 5 июня материалы в Верховный Военный уголовный суд.

Всё это время обвиняемый генерал находился у себя в Лысой Горе. Наконец, последовала телеграмма из Главного штаба: «Святые Горы. Генералу Фоку. Вы вызываетесь 25 сего июня к 12 часам дня в Верховный Военный уголовный суд для вручения обвинительного акта»²⁵. Александр Викторович телеграфировал в ответ: «25 прибуду получить обвинительный акт»²⁶.

Несколько ранее из Главного штаба последовало и предписание Опочецкому уездному воинскому начальнику об установлении надзора над генерал-лейтенантом Фоком за время проживания его в имении Псковской губернии²⁷. Опочецкий воинский начальник К. А. Фомишкин знал, что Фок находится под следствием, но организовать надзор за генералом — дело непривычное: ему ли лезть в полицейские функции. Поднадзорный, как известно, человек горячий, под руку не попадается. И решил поручение выполнить сам. Изредка полковник наносил «визиты вежливости» генералу на Лысую Гору. И Фок прекрасно понимал, чем это вызвано и не обижался. Служба есть служба.

В означенный день и час он был на Мойке, 96, в здании Главного Военно-Судного управления, где ему и вручили обвинительное заключение. Здесь же встретился с генералами Стесселем и Рейсом в сопровождении своих адвокатов, известных столичных юристов. Обговорили место, день и время последующей встречи. Дома ознакомился с содержанием обвинительного акта. По первым фразам ему стало ясно — в основе обвинения все тот же доклад Смирнова без всякой проверки по документам, имеющимся в делах следственного производства. Обида, горькая обида охватила его. По своей природе человек волевой, он решил постоять за униженное достоинство, поруганную честь. Но как быть с защитником, на ком остановить свой выбор? Да и нужен ли он? Нужен и даже очень: вызов новых свидетелей, истребование дополнительных документов, различные там юридические тонкости... И вдруг его осенило. Да, только он! Его давний, еще со

школьной скамьи друг Викентий Домбровский, и никто другой. После совместного обучения в корпусе, училище, начала службы в армии, пути их разошлись. Викентий окончил Военно-юридическую академию, стал военным юристом, но дружба продолжалась. Они часто встречались, почти одновременно были произведены в генерал-майоры, лишь с переводом Фока на Восток личная связь нарушалась. Последние годы до выхода в отставку Домбровский был военным судьей Одесского военного округа²⁸. Немедленно ехать к нему с просьбой о защите.

Вот и Одесса. Блистательный, неповторимый, воспетый поэтами город. Извозчик останавливается у особняка на Базарной улице, дом № 48²⁹. Точно — этот. На парадной двери ярко блестит медная дощечка: «Генерал-лейтенант Домбровский Викентий Иорданович». При выходе в отставку получил повышение в чине.

Радостная встреча. Старый друг всё знал из газет и уже подумывал предложить свои услуги. А эксцентричный, темпераментный Александр тут как тут. После встречи с женой и детьми Викентия Иордановича оба генерала уединились. Александр Викторович рассказал о следствии, показал Обвинительное заключение, свою Объяснительную записку и попросил взять на себя его дело.

Домбровский хорошо знал своего друга. Знал и понимал его как до турецкой кампании и в ходе её, когда имя Фока стало известно всей России, так и после неё. Ознакомившись с материалами, он воспринял привлечение к суду, как результат личных и только личных счетов. Но доказать это будет весьма сложно, очень трудно, имея таких противников в лице комиссии Роопа, Частного Присутствия Военного Совета и их мнений, уже утвердившихся в обществе. А ведь члены Верховного Военно-уголовного суда не изолированы от общества. Они частица его. Пожалуй, потребуется еще один адвокат, тем более, что процесс привлечет внимание и европейской прессы. Но Фок, свято веря в дружбу, наотрез отказался от этого предложения, доверив защиту только ему, верному другу, полагаясь на его безупречную принципиальность и судебскую мудрость. На том и порешили. Не мешкая, выехали в столицу, где Домбровский

уже в ином качестве, как официальный защитник генерала Фока, представился в Главном Военно-судном управлении. В течение месяца он ознакомился с материалами предварительного следствия, а затем вместе просмотрели вызов дополнительных свидетелей, приобщение новых документов, карт, схем. За два месяца они проделали огромную подготовительную работу к предстоящему суду, который первоначально намечался около 10 октября 1907 года. В связи с чем Домбровский направился в Одессу, а Фок с разрешения Главного штаба до суда уехал в деревню.

Отдых был беспокойным, и 3 октября он вновь в столице, где узнает, что суд переносится на конец ноября, о чем немедленно дал предупредительную телеграмму Домбровскому. Сам же с аналогичной просьбой опять обратился в Генеральный штаб. На этот раз его рапорт переправили в Верховный Военно-уголовный суд, и только 12 октября оттуда было получено согласие на его пребывание в Лысой Горе³⁰.

Перед отъездом он невольно задумался: что-то принесёт ему суд? По его разумению в Верховном Военно-уголовном суде находятся самые, казалось бы, справедливые, самые знающие военные специалисты, но могут и они ошибаться, если пойдут по пути, проложенном комиссией Роопа, определением Частного Присутствия Военного совета. Тогда что? Тогда для защиты чести остаётся один выход... И на следующее утро он обратился к начальнику Главного штаба генералу А. Е. Эверту со следующей письменной просьбой: «Прошу разрешения приобрести револьвер с патронами. Генерал-лейтенант Фок»³¹.

14 октября он получил желаемое удостоверение на приобретение револьвера с патронами³². С оружием в руках как-то стало на душе спокойнее, и он возвращается в родные места менее подавленный.

Александр Фок, что за человек? Действительно ли «злой гений» Порт-Артура? «Сумасшедший, фанатичный мулла?» Или это благородный, не склонный к компромиссам человек, патриот своей Родины? Он — фигура неординарная и в полном смысле слова драматическая. Его дед Александр Карлович, так же как и пушкинский Петруша

Гринёв, начал свою карьеру в гвардии. С той лишь разницей, что литературный персонаж, не родясь ещё, был записан сержантом, тогда как Александр Фок только в 8 лет зачисляется подпрапорщиком в Преображенский полк. К 25 годам он стал капитаном с определением его по статской части в Межевую контору Вятской губернии, где начиналось генеральное межевание земель. Причём, Межевое ведомство получило военное устройство. Выходя в отставку, Фок уже имел чин коллежского советника — полковника, состоя 1 членом Межевой конторы Оренбургской губернии³². Владел многими землями в Уфимском и Бирском уездах.

Его младший, шестой сын, Виктор Александрович, родившийся в Вятке в 1811 году, по окончании корпуса тоже стал военным. Л. А. Черейский в книге «Пушкин и его окружение» утверждает, что он был «лесничим Вятской губернии». Однако в архивных документах Лесного ведомства и корпуса лесничих в период с 1838 по 1850-е годы это имя нигде не встречается, упоминается его родственник³³. Со слов же баронессы Софьи Борисовны Вревской, племянницы его жены, мы узнаем, что он служил на Кавказе, произведен был в полковники и там же скончался³⁴. Дата смерти и место захоронения не установлены.

В 1841 году В. А. Фок женился на Екатерине Ивановне Осиповой, а 25 августа 1843 года³⁵ на свет Божий появился будущий генерал, снискавший такую печальную известность.

Семья Осиповых тесно связана с именем А. С. Пушкина. Бабушка его, владелица села Тригорского, соседнего с пушкинским Михайловским Прасковья Александровна Осипова-Вульф, добрый друг поэта. Мать Екатерина Ивановна — та малютка, о которой Пушкин писал П. А. Осиповой в Ригу: «... совершенно здорова и приняла меня самым любезным образом», и далее, в другом письме: «...малютка вполне здорова и она прехорошенькая», и которая двенадцатилетней общалась с Пушкиным³⁶, а в 1837 году хоронила его в Святогорском монастыре.

Родной брат отца Александр Фок и двоюродный Нил Кожевников, а по линии матери Муравьевы-Апостолы, Е. П. Оболенский

были декабристами. Братья Фоки состояли в родстве с семейством Державиных. Словом, окружение примечательное. Духовная атмосфера, в которой ребёнок, подросток, юноша воспитывались, начиная с семьи, потом Нижегородского графа Аракчеева корпуса и 2-го военного Константиновского училища, оконченного им по первому разряду, была всегда пропитана патриотическим духом, любовью к России. От отца он унаследовал такие качества, как самостоятельность, дисциплинированность, аккуратность.

23 мая 1864 года он был выпущен подпоручиком в 99 пехотный Ивангородский полк, где через два года произведён в поручики³⁷. Выбор офицерского ремесла, а вернее образа жизни, был не случаен: все Фоки в разного рода войсках служили Российской империи. Воспитанный с детства противником лжи, несправедливости, он резко реагировал на них, становился прямолинейным, иногда бестактным, невыдержанным, особенно когда видел подлость, корысть, леность при исполнении служебных обязанностей. И характер его делался неуживчивым, строптивым.

Александр Фок плохо вписывался в офицерскую среду, проникнутую чиновничеством, не мог, да и не хотел подлаживаться под мнение равных или старших по званию, признавая право за каждой душой иметь независимое суждение. Прикомандированный к Варшавскому жандармскому дивизионному корпусу, он долго там не задержался, и был в 1876 году уволен «по домашним обстоятельствам», а по сути, за неуживчивость с начальством³⁸.

В это время произошло восстание в Боснии и Герцоговине против турецкого владычества, поддержанное Сербией, во главе армии которой стал известный русский генерал М. Г. Черняев, прославившийся своими действиями в Средней Азии. В России развернулось массовое движение в поддержку южных славян, и большое число добровольцев в июле-августе двинулось на Балканы. Среди них и капитан Фок. После Крымского поражения война 1876–1878 годов за освобождение южных славян как никогда объединила русских в единую нацию.

С началом русско-турецкой войны Фок определяется в 52 Волынский полк. Освобо-

дительная миссия русской армии по освобождению из неволи родственного народа увлекла молодого офицера, тем более, что болгары на это отвечали искренней, братской любовью и благодарностью.

В ночь с 14 на 15 июня 1877 года капитан Фок, командуя 3 ротой, первым переправился на занятый берег Дуная из района города Зимницы, за что был награжден орденом Святого Георгия 4 степени³⁹. За мужество и храбрость в боях на Шипке награжден орденом Святой Анны 2 степени с мечом и бантом. По свидетельству генерала Домбровского, тогда в армии именем Фока гордились. Он был дважды ранен, закончил войну майором, сохранив к болгарскому народу самые добрые чувства, обретя там немало друзей, в том числе и Ивана Гешова, будущего главы правительства Болгарии в 1911–1913 годах.

Несмотря на личное мужество и храбрость, все же он не сделал блестящей карьеры, завершив свою сорокачетырёхлетнюю офицерскую службу в должности командира дивизии. И виной тому его характер⁴⁰, острое столкновение с армейской иерархией по чисто военным проблемам, когда по его мнению «всякая новая, свежая мысль встречается с недоверием, особенно со стороны старых людей»⁴¹. В Порт-Артуре же непосредственно по вопросам, относящимся к его обороне, где в своих «Заметках» он воздавал должное и маленьким и большим начальникам за промахи, допущенные недоделки, небрежение к людям. Например, Фок писал: «Известный всему Порт-Артуру своими длинными усами генерал на днях прямо заявил мне, что он гораздо больше беспокоится о снарядах, которых мало, чем о людях. Потеря тысячи, другой человек только облегчит положение крепости. Надо ли говорить, что он сам отнюдь не хочет оказаться в числе этих тысяч». Всем было ясно, что длинноусый генерал — никто иной, как свояк Стесселя — В. Ф. Белый. Отмечал комендантов укреплений Белозерова, Ирмана, не щадящих «солдатскую кровь» и готовых «солдатским мясом» оборонять уничтоженные позиции. Указывал, что генерал Горбатовский редко бывает на 2 форте, главнейшем объекте обороны. Фок корил командиров, подавлявших инициативу унтер-офицеров. Последним он говорил, что

«в бою вы должны быть умнее нас, генералов и офицеров. В бою офицеры первыми могут погибнуть, вам придется командовать ротами»⁴².

Именно с его «Заметок» пошло гулять в Порт-Артуре словосочетание «злой гений», пущенное в оборот тем же Горбатовским, обиженным замечаниями Фока и разделяемое некоторыми генералами, штаб-офицерами. Эпитет «злой», понятно, обусловлен был едкой, не взирая на лица, критикой отдельных командиров. Казалось, с позиций обиженных больше подходило бы выражение «злой демон». Но «гений». Понятие это емкое, связанное с высотой и глубиной мысли, способностью взглянуть на мир по-новому, отвечающее необыкновенным свойствам, выдающимся созидательным дарованиям человека. Видимо, в приложении к Фоку выражение это носило не столько ироничный оттенок, сколько вынужденное признание у него трезвого аналитического ума. Ума, способного, как никто из них, основательно, со знанием дела, учетом нажитого опыта разобраться в сложных вопросах их военного бытия, организации и способов ведения действующей обороны. А что суждение это не было ложным, подтвердил весь ход судебного разбирательства.

Притом, что интересно: реакция обиженных происходила тогда, когда Фок не имел еще прямого отношения к обороне. Часть военных, и немалая, верила в возможность прорыва сухопутной блокады. Об этом говорит письмо из Порт-Артура, публикуемое 22 октября 1904 года газетой «Новое время»: «... Каждый день, каждую ночь ждем грома орудий с севера, идущей нам на выручку армии и огней авангарда Балтийской эскадры». Но Фоку было совершенно ясно, что корпус генерала Штакельберга бессилён прорвать окружение прекрасного вооруженных и оснащенных японских войск, удары которых он уже испытал на себе и вынужден был начать отступление. А действия Балтийской эскадры он вообще не принимал в расчёт.

Глубоко обеспокоенный все возрастающей угрозой крепости, ничего не зная о письме Кондратенко Стесселю, впоследствии так нашумевшем на суде, побуждаемый только заботой о ее укреплении, начиная с 9 августа

по 3 декабря 1904 года, как указано в приговоре, он часто появляется на передовых позициях. В то время никто не поручал, не приказывал этому весьма почтенного возраста генералу посещать форты, номерные укрепления, спускаться в блиндажи нередко под огнем противника, с риском для жизни лазать по траншеям, стрелковым окопам. А ведь условия службы давали ему право сидеть в безопасном месте. Так нет, по личной инициативе, по своей воле и велению сердца вникал он в детали оборонительных сооружений, а вовсе не из «молодецкого тщеславия», как настаивал генерал Смирнов. Находил там уязвимые места, обнаруживая слабо укрепленные участки — наличие мелких траншей, отсутствие ходов сообщения к передовым окопам, укрытий при бомбардировках и для резервных приспособлений на бруствере для ружейного огня и многое другое.

Некоторые командиры злились, негодовали, а воспрепятствовать побаивались — как никак генерал-лейтенант, попробуй-ка! Да и нрава-то он крутого... А тот как ни в чём не бывало, давал советы, при случае «гонял» и писал обо всем по многим адресам.

Вот так и создавался, лепился образ «злого гения». Между тем, не случайно два члена Частного Присутствия Военного Совета, в том числе такой видный специалист как генерал от инфантерии Скугаревский, заявили по поводу «Заметок»: «они приносили пользу делу обороны»⁴³.

Если кого он и выделял в Порт-Артуре за дееспособность, так это генерала Кондратенко, применившего его советы по укреплению горы Высокой, чему, кстати, противился Смирнов, и потребовалось вмешательство Стесселя, чтобы завершить это дело. Недаром он говорил: «Кондратенко — ум Артурской обороны». Но одновременно резко критиковал и его за излишки в передовых окопах стрелков и матросов, приводящих, по его мнению, к ненужным потерям.

Фок был строгим начальником, не терпел ни малейшей расхлябанности. Довольствуясь неприхотливыми житейскими привычками, никогда не употреблял алкоголь, в связи с чем в офицерской компании был какой-то белой вороной (отсюда «фанатичный мулла»). Поднимался с рассветом и сра-

зу в батальон, потом в полк, когда стал его командиром, потом в бригаду, дивизию. Загружен до предела. Всегда некогда было — так и жизнь, по сути, прошла, даже семьей не успел обзавестись. В 64 года — холостяк! И не до академии было, зато много и постоянно читал, следил за новинками военной мысли на Западе и у себя на родине, не уступал по знаниям офицерам Генерального штаба⁴⁴. Не случайно его величали «ходячей энциклопедией». Следуя заветам отважного героя Дунайской переправы и Шипкинской эпопеи генерала Федора Федоровича Радецкого, особую заботу проявлял о нижних чинах, и солдаты платили ему образцовой службой. Он всегда находил с ними общий язык. В одном из сборников, посвященных освобождению Болгарии от турецкого ига, помещен такой его разговор: «В турецкую войну, когда я еще командовал ротой, я подпускал турок на 100 шагов. Подпушу — дам залп. Ни одного. Все убиты. Только одиночки убегают. Солдаты меня одобряли. А вот рядом со мною в боевой линии бывал наш другой ротный командир капитан Астахов. Так он подпускал на 50 шагов. Подпустит их, отобьет, а потом и говорит: «Смотрите, братцы, капитан Фок-то трус какой! Он подпускает турок на 100 шагов, а вы, молодцы, на 50! «Рады стараться»! — кричали астаховские солдаты. И моим было завидно. И в самом деле, — заканчивал генерал рассказ, — Кто молодец? — я или Астахов. — Капитан Астахов, ваше превосходительство! — кричали солдаты. — А кто трус? — Вы будете, ваше превосходительство!». Дружный смех. На этом беседа кончается»⁴⁵.

Военный писатель П. Краснов в «Летописи войны с Японией» (в № 41) писал: «Офицеры и солдаты обожали генерала и другого названия как «наш Фока» ему не было... Это была душа Порт-Артура, и с ним солдаты были готовы идти куда угодно». Даже тот же журналист Ножин сквозь зубы отмечал: «Войска ещё доверяли Фоку».

По горькой иронии судьбы именно ему после гибели Кондратенко надлежало принимать такие непопулярные решения, как оставление ряда позиций во имя спасения тысяч человеческих жизней. Тут требовалось мужество, твердость и ответственность, свойствен-

ные честному кадровому офицеру. Конечно, у него были недостатки, но они с лихвой покрывались знанием военного дела, любовью к нему. Впоследствии корреспондент «Биржевых ведомостей» как-то спросил Стесселя о Фоке, и тот отозвался так: «Фок сделал всё, что мог. Это прекрасный, храбрый, боевой генерал, но язык его — враг его».

Опять Лысая Гора. Погожие осенние денечки. В грустной красе стоит увядающий лесопарк. Оголились верхушки берёз и дубов. Как языки костра вспыхивают среди них осины и рябины. Только зеленеют на этом янтарно-багряном фоне лапки молодых елочек. Непривычно тихо, не слышно птичьего гомона. Разве затараторит сорока, увидев шагающего высокого человека в военной тужурке. Шуршит под ногами палая пожелтевшая листва. Нет-нет, да и покажется меж листьев красная шапочка подосиновика или запоздалой сыроежки. Внезапно тишину разрывает прямо-таки весеннее, издали слышное бормотание какого-то задиры тетерева. Видимо, самцы собираются в стаю. Однако сердце искушённого охотника не забилося учащенно, просто удивился всплеску этих неко времени бойцовских качеств. Не до охоты... Скорее бы уже...

И вот извещение — суд состоится 27 ноября 1907 года в 10 часов 30 минут. Выехал заблаговременно для встречи с Домбровским.

Вход в зал Судебного заседания строго регламентирован. Ровно в назначенное время председательствующий, весьма пожилой генерал от инфантерии Водар, объявил заседание Верховного Военного Уголовного суда открытым, в котором присутствуют члены сего суда: генерал от инфантерии Гончаров, генерал от кавалерии Бильдерлинг, генерал от инфантерии Аникеев, генерал-лейтенант барон Остен-Сакен, Щербовой, Саранчев по слушанию дела о бывшем начальнике укрепленного Квантунского района генерал-лейтенанте А. М. Стесселе, бывшем коменданте крепости Порт-Артур генерал-лейтенанте К. Н. Смирнове, бывшем начальнике 4 Восточно-Сибирской дивизии генерал-лейтенанте А. В. Фоке и бывшем начальнике штаба укрепленного Квантунского района генерал-майоре В. А. Рейсе, преданных Верховному

Военному уголовному суду по Высочайшему Повелению, обвиняемых в сдаче крепости Порт-Артура японским войскам⁴⁶.

Опускаю все перепитии судебного следствия: допросы подсудимых, свидетелей, анализ и рассмотрение документов, заключительные прения. Остановлюсь лишь на некоторых вопросах, высвечивающих атмосферу вокруг процесса, обстановку далёких дней 1904 года и особенностях выступления защитника генерала Фока.

Если в начале процесса либерально-умеренные «Биржевые ведомости» называли Фока «злым гением», а охранительное «Новое время» печатало статью известного публициста М. Меньшикова «Оскорбление России», где утверждалось, что Порт-Артур не сдался, а был сдан как бы намеренно, то постепенно, с уяснением обстановки и роли в ней отдельных подсудимых, тон в печати менялся. Стало известно, что в гарнизоне солдаты болели цингой, дезинтерией, вели полуголодное существование. Госпитали были переполнены больными и ранеными. С октября месяца ощущалась нехватка снарядов, во время вражеского штурма их хватало на несколько минут. Начальник артиллерии генерал Никитин показал, что «снарядов Полевой артиллерии оставалось по 10 штук на орудие. Состояние солдат было угнетённое»⁴⁷. Приводились впечатляющие оценки иностранных агентств: «Рейтер» в октябре 1904 года — «Если русские не сдадутся, они могут продержаться на Ляотышане и Тигровой балке (о крепости уже нет речи) еще один месяц»⁴⁸. Из Парижа 21 декабря 1904 года: «Достоверно, что Порт-Артур больше держаться не может»⁴⁹.

Флер общественного мнения, брошенный на это громкое дело, постепенно рассеивался. И вот что писали те же «Биржевые ведомости» 4 января 1908 года о том же Фоке. На вопрос его защитника свидетелю капитану Анаеву: «Каково было отношение нижних чинов к Фоку?» — тот ответил: «Фок был очень популярен, в особенности среди солдат. Его шутки действовали всегда ободряюще. Иногда приходилось наблюдать, как совсем упавший духом солдат, приободрялся и обнаруживал способности сражаться до последней капли крови. Действовала на солдат

и личная храбрость Фока. Однажды он прошёл на укреплении № 3 по так называемой «райской дорожке» под непрерывным огнём противника. Пройти по ней отваживались отчаянные смельчаки.

Замечательным явилось выступление защитника Фока генерала Домбровского: «Два года тому назад, живя в Одессе, я узнал, что один из моих лучших друзей генерал Фок привлекается к уголовной ответственности за измену. Это возмутило, потрясло меня. Для меня было совершенно ясно, что он жертва интриги или ложного доноса. Это — благородный, правдивый человек, вот почему я решил защищать его. Травля Фока началась с опубликования пресловутого доклада бывшего коменданта крепости Порт-Артура и обвинительного заключения. Всё общество, за исключением героев — портартурцев, предубеждено против Фока»⁵⁰.

Преамбула его речи сразу привлекла внимание. Перейдя к сути обвинения, Домбровский, прежде всего, отметил, что его подзащитный обвиняется как командир дивизии, а не как начальник сухопутной обороны крепости, которой он одновременно руководил чуть более двух недель. Не преминул указать, что суду уже известно, в каком состоянии она и её защитники находились, и какими средствами нападения обладал противник, начавший общий штурм. И тут же предъявил суду директиву Главкома адмирала Алексеева (дяди царя) от 23 апреля 1904 года генералу Фоку: «Не удерживать позиции, а своевременно отходить к Порт-Артуру», сняв тем самым обвинение за Цзинь-Чжоу и не принятие боя на Нангалинской позиции, как неблагоприятной, проиллюстрировав это на великолепно выполненной схеме. К тому же до этого весомо прозвучали слова бывшего Главнокомандующего войсками генерала Куропаткина: «Слава Богу, что оборона Цзинь позиции была поручена генералу Фоку, а не генералу Смирнову, иначе мы лишились бы 4 дивизии и Порт-Артур пал бы не 20 декабря, а в мае 1904 года». Говоря о падении форта № 2, Домбровский воспроизвел показание его защитника Владимира Витгефта, сына погибшего адмирала Витгефта, об огромных разрушениях в форте, сделавших невозможным его защиту. Витгефт сообщил суду: «На 5 де-

кабря потери составили 500 человек, у меня под командой оставалось 30–40 человек, подоспевшее подкрепление в 60 солдат ничего не решало». Взрыв не может быть инкриминирован Фоку, на то он получил разрешение генерала Стесселя. Обвинение в оставлении форта «Большое Орлиное Гнездо» поставило генерала Смирнова совсем в неловкое положение. Его лицо прямо-таки потускнело, когда огласили телефонограмму Фока: «Удерживать «Большое Орлиное Гнездо» во что бы то ни стало!» Не вина Фока, а беда его, что осадная, полевая артиллерия японцев всё сметала на своём пути, и немногие оставшиеся в живых защитники его вынуждены были отступить.

Сенсацией явилось предъявление суду письма начальника сухопутной обороны крепости погибшего генерала Кондратенко Стесселю. Ещё 1 сентября 1904 года он просил донести государю о необходимости заключения с Японией мирных условий «теперь до падения Порт-Артура, которое несомненно можно до падения Порт-Артура установить на не унижительных для народного самолюбия»⁵¹. Характер и тон письма свидетельствуют об убеждённости генерала Кондратенко в неизбежности падения Порт-Артура и необходимости переговоров с японцами.

Не менее эффективным было и оглашение протокольных записей заседаний Военного Совета в Порт-Артуре о выступлениях генерала Фока по поводу капитуляции. На Военном совете 26 ноября, когда встал вопрос о пределе сопротивления, то после общего молчания генерал Фок сказал: «Позвольте, об этом еще рано говорить». Генерал Смирнов, вынул ведомость о продовольствии, заявил: «Вот предел сопротивления!». На военном совете 16 декабря, за несколько дней до капитуляции генерал Фок говорил: «Весь вопрос в том, удастся ли употребить все усилия держаться Китайской стены, с потерей её сопротивление можно считать часами. Став на 3 линию, мы отдаем город и госпитали на полное истребление. Лучше сдать город и тем, кто не желает оставаться, идти на Ляотышань и там обороняться»⁵². Идти на Ляотышань, который, по его совету, укреплял Кондратенко.

В заключение Домбровский остановился на «Заметках» Фока — ценности его советов и бестактности ряда выражений. Закончил же свою речь словами: «Историческая заслуга Фока в том, что он в течение двух месяцев задерживал противника на перевалах, дав возможность привести крепость в сколько-нибудь удовлетворительное состояние, и одним уже этим заслуживает полного оправдания».

Его речь газеты широко публиковали, и она тотчас была отпечатана отдельной книгой в типографии Суворина, владельца «Нового времени» с приложением документов, «Заметок» Фока и карт, и в немалой степени способствовала реабилитации генерала.

Вот и последние слова обвиняемых. А. В. Фок после речи защитника счёл излишним своё выступление и отказался от последнего слова. Суд удаляется на совещание. Почти два с половиной месяца длилось разбирательство, сегодня, 7 февраля в зале томительное ожидание приговора.

Высокий, с аккуратно подстриженными усами и бородкой он стоит у окна, устремив свои серо-голубые глаза куда-то вдаль. И вот торжественно звучит голос коменданта: «Встать, Суд идёт!». Шумно встают и шумно усаживаются. Председатель начинает читать. В гулкой тишине раздаётся его ещё бодрый баритон — по указу его Императорского Величества Верховных Военный Уголовный Суд под председательством генерала от инфантерии Водара с 27 ноября 1907 года по 7 февраля 1908 года в открытом судебном заседании, в котором присутствовали члены суда и т. д. и т. д. После небольшого перерыва оглашение приговора продолжается. — По соображениям всех обстоятельств дела, как они выяснились на судебном следствии и заключительными прениями Верховный Уголовный Суд признал из них виновными — генерал-лейтенанта Стесселя...

Далее следовало перечисление пунктов виновности в сдаче крепости Порт-Артура, связанное с неиспользованием всех имеющихся средств обороны.

— Генерал-лейтенанта Фока, — и тотчас десятки встревоженных, любопытных или недоброжелательных взглядов устремились к нему, словно окаменевшему, со сведён-

ными перед решающим словом, — виновным в том, что во время обороны крепости составлял и рассылал начальствующим лицам, а так же в некоторые штабы и управления свои «Заметки», в которых наряду с полезными указаниями относительно необходимых способов ведения обороны, позволял себе резко и оскорблять командиров и начальствующих лиц. По обвинению же в других указанных выше противозаконных действиях считать его оправданным»⁵⁴. При этих словах Фок, расслабив брови, как-то неопределённо улыбаясь, посмотрел на Домбровского. Генералы Смирнов и Рейс тоже были оправданы.

— На основе всего вышеизложенного Верховный Военный Уголовный Суд постановляет, — здесь председательствующий, сделав паузу, повышенным тоном зачитал, — подвергнуть генерал-лейтенанта Стесселя смертной казни через расстреляние, — и в зале невольно раздалось, — Ах! — А Водар, понизив голос, продолжал, — А генерал-лейтенанта Александр Викторовича Фока, приговоренного к выговору в силу давности (прошло более 6 месяцев) от дисциплинарного взыскания освободить.

Последние слова никак не отразились на Фоке, он продолжал стоять с затуманенным взором, потрясенный мерой наказания, определенной Стесселю.

Председательствующий слегка откашлялся, поправив подусники, снова возвысил голос.

— Принимая во внимание, что крепость Порт-Артур осаждалась превосходящими силами, под руководством генерала Стесселя проявила небывалую по упорству оборону, что генерал Стессель поддерживал героических дух защитников, ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о смягчении и заточении в крепость на 10 лет, — и генерал Водар, очень корректно державшийся в ходе всего процесса, обеда взглядом весь зал, с чувством исполненного долга удалился с членами суда.

Приговор встречен был неоднозначно, раздавались голоса одобрения и недовольства за смягчение наказания, а были и утверждавшие, что судить надо бездарное правительство, а не исполнителей. Разные были голоса.

Фок едва успел позжать руку своему бывшему начальнику, которого знал ещё в боях под Плевной, как дежурные офицеры взяли его под стражу. Подошедший Викентий Иорданович с чувством обнял Фока. Друзья, полные переживаний, весь вечер провели вместе. Они отдались во власть воспоминаний, освободившись от тревожных забот. Вспомнили кадетский корпус, училище, свои первые шаги в армии. Сколько пережито было с этим располагающим к себе человеком и становилось теплее на душе от нахлынувшего прошлого, картин неповторимой молодости.

Проводив Домбровского в Одессу, Александр Викторович хотел обратиться к начальнику Главного штаба с просьбой об отпуске, чтобы отдохнуть в деревне от тяжёлых испытаний, и уж потом позондировать почву о новом месте. Возвращаться на Восток не лежала душа. Неплохо бы поближе к дому. Дежурный генерал поздравил с успешным окончанием судебного дела и как-то многозначительно посоветовал повременить с рапортом об отпуске. Оказывается вопрос о нём, почему-то, рассматривается в Высшей Аттестационной Комиссии.

Вдруг, словно снег на голову, 6 марта состоялось постановление этой Комиссии: «Ввиду преклонного возраста и... совершенного им дисциплинарных проступков оставление его на службе с назначением на высшую командную должность является в интересах службы крайне нежелательным»⁵⁵.

Выходит, отставка! В дополнение к всему последовало приказание начальника Главного штаба, понуждающее к добровольной отставке: «Доставить возможно в непродолжительном времени Всеподданнейшее прошение Ваше об отставке»⁵⁶. Для него это был чувствительный удар. Он находил в себе достаточно сил, ума, способностей, знаний, опыта, наконец, чтобы командовать не только дивизией, но и корпусом. Он уверен в себе, но тут уж, как говорится, на рожон не полезешь. В прошении на имя Государя он писал: «Дабы повелено было произвести меня в следующий чин, наградить мундиром, совокупной пенсией по должности начальника дивизии и уволить...».

И случилось опять непредвиденное. В докладе по этому вопросу Редигера, военного министра, отмечалось: «Принимая во внимание особые обстоятельства, выяснившиеся при разборе в Верховном суде о сдаче крепости Порт-Артура, военный министр не признаёт возможным ходатайствовать о производстве этого генерала в следующий чин генерала от инфантерии, равно и награждении его мундиром».

«Согласен» — гласила резолюция царя. Поводов для увольнения по несоответствию должности не нашлось, так прибегли к обычному приёму, чтобы избавиться от неудобного лица. Это была новая обида. За что же такое унижение строевого командира, почти полвека прослужившего России? Для него это оказалось чем-то вроде оплеухи с подзатыльником, но полученных не от Государя, которому он когда-то представлялся по случаю производства в генералы. Этот кроткий на вид полковник, позорно проигравший войну, по-прежнему служил ему символом величия России. Удары же получены от тех, кто по сути продолжал на нем суд за закрытой дверью, где правили Редигеры, Роопы и иже с ними. Он считал себя жертвой военно-бюрократического режима, где, по его признанию, — «в наш холопский век»⁵⁷ судьбу человека, свободного от рутины и формализма, нередко решают люди и не нюхавшие пороха. Решают паркетные шаркуны, придворные генерал-адьютанты, такие «теоретики», как Смирнов, не испытывавший на своём веку, почём фунт солдатского лиха. Жизнь для него потеряла всякий смысл. Скорее бы уехать в деревню и там отойти от случившейся беды. При одной мысли, что он лишён мундира и отныне ему уготовано штатское платье, становилось не по себе, и он демонстративно везде появлялся в генеральской форме. Получив аттестат, оформив дела в пенсионном отделе Главного штаба, отставной генерал телеграфировал на Лысую Гору, когда его встречать на станции Остров.

Поезд прибывал в 9 часов утра. На перроне его поджидал Семён и дежурный. Дорога не ближняя — вёрст пятьдесят. Выезд шикарный: коляска на резиновом ходу с парой резвых рысаков. Бывалый кавалерист, брат генерала Алексей Викторович Фок, по-

нимал толк в лошадях. Издалека было видно, что мчит не иначе как сам господин земский начальник. Алексею Викторовичу частенько приходилось по делам службы мотаться по участку, хотя здоровье уже было не то, требовало покоя.

Мягко покачиваясь, Александр Викторович не вслушивался в рассказы Семена о деревенских новостях, о кабаках, безобразных в парке, выводке волчат у третьего ручья. Он размышлял о своём, о превратностях собственной судьбы. Он не был её баловнем, но и не считал себя неудачником, хотя командиром полка стал только в 50 лет, а начальником бригады за год до начала XX века. Тогда ещё едучи за назначением, навестил матушку в Лысой Горе, где познакомился с приятным господином, редактором журнала «Мир Божий» Виктором Петровичем Острогорским, известным педагогическим деятелем. Он-то впервые и опубликовал рассказы матушки Екатерины Ивановны Фок о Пушкине. Затем повторил их с художником-академиком В. М. Максимовым в альбоме «Пушкинский уголок», изданным к 100-летию со дня рождения великого поэта.

В ту пору одиноко жившая матушка, изредка наезжал он, ещё реже брат Алексей, ротмистр Кубанского казачьего полка, была еще представительная дама. Недаром тот же Острогорский писал: «Очень благородная, сохранившая ещё следы замечательной когда-то красоты... с первого взгляда внушила к себе полное уважение и видом и манерами, образованием напоминала так хорошо старинное барское воспитание в достаточной и порядочной семье». Наизусть запомнились его слова: «Худая, высокая, с блестящими умными глазами и выразительным лицом... она сохранила вполне память, ясность мысли и тонкий ум в оценке людей, которых определяет очень метко...»⁵⁸.

Это было 10 лет тому назад. А теперь... едешь и не знаешь, застанешь ли ее в живых. Да и брат Алексей стал плоховат. А насчёт оценки людей, видимо, это качество передалось и ему. Да, многое пришлось испытать, претерпеть. Три войны, даже не три, а четыре, еще Китайский поход в 1901 году, за отличие в котором он награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Два

раза ранен. Бои с японцами на перевалах. Порт-Артурское «сидение». Капитуляция. Плен. Возвращение. Муки следствия. Суд. Оправдание. Внезапная отставка. А сколько наград и за каждое боевое дело: два Георгия, не только 4-й, но и 3-й степени, тогда как императоры Александр I и Николай I удостоились только 4-й. Затем получил Анну, Станислава, Владимира, Гессенский командорский крест 2 степени, два Золотых оружия «За храбрость», одно с бриллиантами⁵⁹. А что в финале? Покой, противопоставленный его натуре... Какие все непростые метаморфозы жизни... Так думалось ему под болтовню словоохотливого Семена. Внезапно слова кучера о хвори Алексея Викторовича, неладах в хозяйстве, своеволии работников, украденных трех стогах сена, — привлекли внимание, вернули его к действительности. Видимо, и впрямь с болезнью брата дела пошатнулись. Пожалуй, придется ему помогать в управлении. Эта мысль всю оставшуюся дорогу не давала покоя: «Это ли не поле деятельности! Правда, дело незнакомое, но дороге осилит идуший. Подберу толкового помощника...». Предполагаемые новые заботы встряхнули его. Нахлынувшие мысли стали какой-то жизнеутверждающей силой, и сама жизнь приобретала уже утраченный смысл.

По приезде нашёл брата не в лучшем состоянии, он заметно сдал, больше леживал. Ещё хуже выглядела матушка. Теперь она ни во что не вмешивалась, передавая всё по дому Александре Михайловне, оставаясь на попечении Сани и «казачка».

Она вся в прошлом и оживлялась только, когда речь заходила о Пушкине и Тригорском, для нее в жизни самом дорогом. Об итоге суда им уже было известно от племянников. Семейно отметили это событие. Об отставке он сообщил только Алексею. Отставной генерал внимательно приглядывался к делам хозяйственным и, используя свой богатейший организаторский опыт, вносил дельные поправки в распоряжения брата. Появление генерала на работах тотчас возымело свое действие, спустя рукава уже никто не работал.

Так прошёл 1909 год, принесший новые горести и новые заботы. В начале года занемог Алексей Викторович, и вынужден

был запросить отставку. 21 февраля «Псковские губернские ведомости» поместили высочайший приказ «Об увольнении от службы земского начальника 2 участка Опочецкого уезда подполковника Фока, согласно прошения, по болезни». Пытаясь не поддаваться одолевавшей его хвори, он всё же согласился быть гласным уездного земского собрания⁶⁰. Но протянул недолго. Скончался. При многолюдном сборе схоронили его в Святых Горах на Тимофеевой горке, неподалеку от тетушки Марии Ивановны Осиповой. А за ним последовала и Екатерина Ивановна. Помимо родных, собрались проводить её прах на родовое кладбище Осиповых-Вульф друзья Карповы, Корсаковы, Шелгуновы, Князевичи. Весть о кончине последней из семьи тригорских друзей А. С. Пушкина дошла и до столичной печати. В ноябрьском номере «Исторического вестника» сообщалось: «Весной этого года «сошла под вечны своды» последняя из современных Пушкину обитательниц Тригорского дома — Екатерина Ивановна Фок, урожденная Осипова, самый младший член семьи Прасковьи Александровны от второго брака. Пушкин в своих письмах упоминает о ней дважды»⁶¹. Далее цитировались уже известные письма, и следовал рассказ о домике няни.

Теперь Александру Викторовичу по настоящему пришлось взять в свои руки управление имением. С присущей ему педантичностью, вникал он во все детали рационального ведения хозяйства. Именно при нём нашли широкое применение машины: жатки, молотилки, веялки и пр. Хозяйство опять становится устойчивым. С крестьянами соседних деревень, арендаторами, как и при отце, брате отношения были равными, деловыми. Мужики относились к нему уважительно: «Фок — это хозяин!» В официальных справочниках уже указывалось: Александр Викторович Фок, владелец села Лысая Гора».

После смерти Е. И. Фок он наследовал по определению Окружного суда в собственности 219 десятин и 203 с половиной сажени земли в селе Тригорском⁶², т. е. с учётом уже имеющейся стал солидным землевладельцем.

А. В. Фок всё более и более привязывался к Лысой Горе, этому красивейшему

уголку на Псковщине, с которым связаны были самые лучшие воспоминания — детские годы. С малых лет под личным воздействием матушки впитывал он в себя обаяние пушкинских сказок, прелесть его стихов, ласкавших слух и согревавших душу. Воспринимал как нечто совершенное неброскую красоту и притягательность этих мест, воспетых поэтом. Много раз он слышал от неё отзыв и о самом Пушкине — «Это был человек симпатичнейший, неимоверно живой, в высшей степени увлекающийся, подвижный, нервный. Кто его видел — не забудет уж никогда. У нас его очень любили, он приезжал сюда отдыхать от горя». Крепко засели в памяти такие её слова: «Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами»⁶³, когда их старый знакомый А. И. Тургенев с телом поэта оказался в Тригорском.

Сколько доброго об этой земле, привязанности к ней гения русской литературы ребёнком, юношей слышал он от тётушек, прообразов героинь прославленного романа в стихах, не говоря уж о бабушке Прасковье Александровне, так любившей своего старшего внука. Да она и отцу весьма благоволила. Со слов тётушки Евпраксии Николаевны, однажды все собирались поехать к нему в Оренбуржье. Но по настоянию матушки он расстался с ним и окончательно поселился на Лысой Горе, занявшись её благоустройством. Причём, Прасковья Александровна на первых порах материально поддерживала молодых, отправляла их лечиться в Дерпт, потом на воды⁶⁴.

От множества воспоминаний, преданий вся эта земля являлась для А. В. Фока как бы национальным достоянием, в том числе и его Лысая Гора. Стремясь прочнее закрепиться на этой земле, он обратился с просьбой в Псковское депутатское дворянское собрание о зачислении его рода в дворянскую книгу Псковской губернии. Он порвал связи с Оренбургским дворянством, где когда-то во времена Елизаветы Петровны осел прадед Карл — волонтер из Голландии, ставший в 1755 году вахмистром Азовского драгунского полка, а потом и офицером⁶⁵. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 12 февраля 1911 года род Фоков

был занесён во 2 часть родословной дворянской книги Псковской губернии⁶⁶.

И каким глумлением звучат слова писателя Степанова, приписываемые Фоку: «Скорее бы эта проклятая война кончилась, сейчас же в отставку и уеду куда-нибудь подальше, за границу в Южную Германию. Мы, Фоки, родом из Тюрингии. Хотелось бы приобрести там дачку и пожить до конца дней на покое у себя в родном «Фатерлянде»⁶⁷.

Стало известно, что с начала Болгаро-Турецкой войны 1912 года Александр Викторович, как и 35 лет назад, словно конь по призыву боевой трубы, сорвался с места, покинул Лысую Гору и направился в Болгарию по многолетней памяти, и вторично предложил свои знания, опыт братскому народу. Налицо тот замечательный случай, когда старость не тяготится своим существованием, а, сохранив некий запал молодости, наполняет его новым содержанием.

Через консульство в Петербурге (тогда Ленинграде) я попросил Государственный Военно-Исторический архив Болгарии охарактеризовать его военную деятельность в этой войне. Но ответа не дождался.

Известно, что до отъезда в Болгарию и после возвращения Фок являлся автором ряда полемических статей и воспоминаний о некоторых эпизодах русско-японской войны. Они издавались отдельными книжками и печатались в журнале «Русская старина» в 1909–1910 годах.

Живя в деревне, естественно, он много внимания уделял хозяйственным заботам, но находил время и на любимую охоту и на прогулки. «Хожу, — писал он, — по живописным окрестностям и мне всё чудятся позиции, на которых я намечаю места батарей, редутов, окопов»⁶⁷, т. е. продолжал жить военной жизнью. Когда же летом наезжали два сына и дочь покойного брата, он подолгу беседовал с ними о событиях прошлой войны и об освобождении Болгарии.

В 1913–1914 годах мы находим последнее официальное свидетельство о пребывании отставного генерала на Псковщине. Это — пометка в «Памятной книжке Псковской губернии» об управлении им имением. Далее след о нём теряется на долгие годы.

В 1950-е годы я был знаком с людьми, служившими у Фоков. Это, прежде всего, Анна Ивановна, хозяйка домика в деревне Новая Берёзовка, что рядом с Лысой Горой. У неё мы снимали с женой комнатку летом 1953 года. Летом 1952 года жили на самой Лысой Горе, лесном кордоне на даче. Анне Ивановне тогда было уже под семьдесят. Суховатая, ещё подвижная и очень опрятная старушка, с красивым когда-то лицом, тронутым пигментными пятнами, покрытым сетью мелких морщинок. Речь Анны Ивановны с типично псковским говорком больше была похожа на городскую. Угадывалось, что женщина эта в прошлом соприкасалась с иной, не деревенской средой. Манера держать себя была другая, менее угловатая и броская, всегда приветливая. Оказывается, она была у Фоков горничной. Пятнадцатилетней девчонкой, которой жить бы ещё да жить в родной хате, — поступила в услужение, и звали её тогда Аннушкой:

«Нанялась я к господам еще при жизни Алексея Викторовича, и больше пятнадцати годов прожила у них в доме. И намучилась же со мною барыня Александра Михайловна, пока учила уму-разуму: как убирать комнаты, а их было пять внизу и две наверху, какие и когда к столу приборы подавать, как гостей принимать и провожать. О ком докладывать, о ком нет. И лет через пять добилась своего — стала я заправской служанкой. В ту пору старая барыня от хозяйских забот совсем отошла, немощны уже были. Им тётя Саня прислуживала. Ни на шаг не отходила. Самато Саня из старых барских слуг. На ней всё домашнее заведение держалось. А потом по приказанию старой барыни ко мне перешло. Получила от нее полное доверие. Серебро столовое, чайное, хрустали — всё было на моей сохранности. Драгоценности свои никогда от меня не прятала. Наоборот я их прятала, когда генеральной уборкой вся прислуга занималась. Это четыре раза в году: перед Рождеством, Пасхой, да осенью и весной, когда вторые рамы выставлялись и вставлялись. Это потом нас пятеро стало: Саня не в счёт, повариха с судомойкой, прачка, кучер Семён Ларивоныч, он и сейчас напротив меня живет, да я. При Алексее Викторовиче и старой барыне нас много больше было. Жили ши-

роко, гостей невпроворот: просто знакомые, а иные господа по нужде к земскому начальнику, так их в кабинете и принимал. Весело было. Особенно летом, когда барчуки с учёных возвращались. Для них и дериглазовских барышень катанье на лодках устраивалось, на ярманку в Святые Горы ездили, пикники там разные... А как помер Алексей Викторович — веселье наше кончилось. Уж очень по нём убивалась Александра Михайловна; на Тимофееву Горку, где его схоронили, я не ездила — еле-еле со столом управилась, много народу понаехало.

А насчёт генерала, что сказать — он и раньше приезжал, но прислуживать ему не приходилось, потому что при них денщик состоял. А вот когда совсем они приехали, это уж после смерти Алексея Викторовича и старой барыни, и стали нашим хозяином, то тут пришлось служить по их велению. Тогда-то Александра Михайловна и приказала всем нам величать его «Ваше превосходительство», а сам-то запретил нам так обращаться и наказал называть по имени-отчеству. Сперва побаивались его — высокий, хмурый, а глаза-то, вроде, добрые, но серчал, если что не аккуратно делалось. Спал большей частью не в спальню, а в кабинете. Боже упаси, что на письменном столе переставить. Всё должно быть на своем месте.

Барыня Александра Михайловна очень уважала своего деверя. Бывало, за стол с дочушкой не сядут, пока они не появятся. Пищу любил простую, охотился, любил гулять, особенно на Крутике (на высоком берегу над рекой Великой — *В. Н.*), там ещё беседка вроде грибка стояла. По работам ездил верхом — на поля там, в лесные уголья. А как косьба начиналась, особенно на заливных лугах, всех домашних слуг выставлял на уборку сена. Его побаивались во всей округе. Властный был мужчина.

И провожать-то их одна я провожала. Собрались быстренько. Всё ценное с собой захватили: золотишко, серебро, меха, даже сервиз один упаковали, а генерал — так тот в зале и кабинете три картины из рам вырезал, скрутил и в чемодан, а он что твой сундук. Присели на дорожку, — на прощанье, — руку пожали. — «Замуж, — говорит, — выходи. Не сиди в девках». Александра Михайловна

обняла, перекрестила и шепнула: «Аня, — последние годы все Аней звала, — если через неделю никто из наших не наведается, забери всё себе, что хочешь, всё равно отберут». Я так и сделала. Взяла посуды фаянсовой, кухонной тоже, кой-что из платьев и мебелишку ту, что в моей комнате стояла. Сеня и отвез прямо к тётке, сама-то она умерла, а избу мне отказала. На Лысой все равно б сгорело. Ну, да как говорится, на чужом несчастье — своё не построишь: немцы тоже не пощадили, дотла все спалили».

Другим свидетелем стал, благодаря Анне Ивановне, местный колхозник, заядлый рыбак Семен Илларионович. Он служил у Фока кучером. Это был широкоплечий, плотный, невысокого роста старик. На его обветренном загорелом лице, густо поросшем седой щетиной, резко выделялись глубокие морщины. Говорил натужно, покашливая. По характеру был добрым и весёлым человеком. Его воспоминания отличались цельностью, почти полностью посвящены А. В. Фоку. Они интересны своими деталями, своеобразным психологизмом и высказаны были разом, в один присест. И свой рассказ о том, что было и былём поросло начал с профессиональной оценки.

— Езду любил быструю, но покойную, чуть что — камешек на дороге, рытвинка, тут же толчок в спину, — Объезжать надо. В гости ездить не любил, а принимать — за милую душу. Охоту признавал только на кабанов и волков, на дичь — боровую. Особый интерес имел к глухарям, тетеревам. Бил метко. Чужим в своём лесу охотиться запрещал. Грибы, ягоды — пожалте. А медведя, чьё чучело в прихожей стояло, убил не он, а батюшка ихний.

Любил купаться и все на глубине, прямо с лодки — бух в омут, а плавал так себе, раненое плечо мешало, а я, сидя на веслах, страху набирался — вдруг утонет... генерал, да еще какой! Не усмотрел, скажут, — и, как пить дать, засудят...

Вставал летом спозаранку, наскоро завтракал и по работам. Именьем управлял сам. Правой рукой у него был Федотыч, вроде агронома (агронома — *В. Н.*) при нём, а жена его сыроварней ведала. Работников всего с десяток набиралось: садовник, лесник, куз-

нец — он же за машинами доглядывал. Ещё коннох, скотницы и просто мужики — мастера на все руки. Женатые и холостые, вроде меня, при усадьбе жили, другие дома, в Берёзовке. В пору жатвы — снопы вязать, суслоны ставить, да лён терebить нанимали баб деревенских. Кормили всех сытно и вволю.

С мужиками соседних деревень ладил, шутки-прибаутки, если баб не было и словцо ввернет какое надобно. За аренду брал по Божески. За потраву, порубку в холодную, как братаец, не сажал, а заставлял отрабатывать. Смекалистые мужики, которым лесина требовалась, с охотой шли на отработки, чем грабительский, как у других, штраф платить.

С началом германской войны самых хороших лошадей у нас забрали. Он ни слова. Много скотины задарма для армии отдал. А вот, когда меня трехпалого, на японской мине два пальца оторвало, хотели снова призвать — на дыбы! Ни в какую! Я у него вроде и за кучера и за денщика. Постелю, бывало, горничной Аннушке не давал застилать, — пусть Семён, стало быть, привык к мужской обслуге, к тому же к столу-то я поставлял то леща, ззя, а то и шелеспера, по этой части я мастак был, да и сейчас, сами знаете, не промах, а рыбку-то он уважал. И что вы скажете, сам поехал к воинскому начальнику — и отстоял меня.

Страшно горевал, когда войска наши отступали. В кабинете у него громадная карта висела, вся цветными флажками утыкана. Вызовет, бывало, по делу, а потом спросит: «Видишь, солдат, где враг? — и ткнёт книжным ножиком под Ригу, — вот куда дьяволов допустили!»

За войну хозяйство наше больше чем вполовину сократилось. Да и людей не стало. В других сёлах пленные работали, а наш сам побывав в плену, с подневольным солдатским трудом связываться не пожелал. Когда же царя скинули, от хозяйственных дел он и вовсе отошел. Больше в кабинете сидел и всё писал, писал. Только бумаги много извёл, покупать-то я ездил в Святые Горы...

Хозяйством стала заправлять Александра Михайловна. Сами понимаете, что не женское это дело. Понаехали солдаты, кто насовсем, кто на побывку. Пошли разговоры о земле. И сладили они в Святых Горах зе-

мельный комитет, а он возьми да и призови мужиков по-началу отобрать у господ покосы. Ну, местные сразу у Фоков отхватили заливные луга. Александра Михайловна — ни в какую, — разругалась с мужиками, а лугов не вернула.

В подтверждение сказанному Семёном приводим выдержку из ее письма уездному начальству: «В Святых Горах образован земельный комитет, отстранивший хозяев от распоряжения своим имуществом»⁶⁷. Но власти в «сенокосные беспорядки вмешаться не решились, не та уже была обстановка.

— А тут, — продолжал Семен, — опять переворот случился — Октябрьский. Помнится, еще снега не было. Вдруг толпа мужиков с ближних деревень валит на усадьбу, и сгрудились прямо в цветнике, требуют барина. Вышел он, малость горбясь, года-то уже немалые, под восемьдесят. В сюртуке, без погон, но в генеральской фуражке.

— Чего, братцы, собрались?

Иван Ворогушинский (крестьянин деревни Ворогушино — *В. Н.*) вперед всех сунулся.

— Закон вышел, чтобы землю вашу, лесок и скотинку нам передать.

А генерал им все так же, спокойненько и говорит.

— Чего не слышал, того не слышал... Сейчас съезжу в Опочку, справлюсь у властей. Если закон вышел — по закону всё и уладим. И ко мне, — Семён, закладывай и прямо к чёрному крыльцу.

Заложил я свою пару и, как приказано, подаю к чёрному ходу и не так, чтобы скоро, сам вышел, весь в штатском, с ним Александра Михайловна, позади Аннушка волочит два чемоданища. Пристроили мы с ней чемоданы, генерал с невесткой перекрестились, поклонились дому, уселись.

— Трогай! — сказал Александр Викторович. Обычно господа недавно проложенной однопуткой Псков — Тригорское — Опочка с её третьеклассными вагонами не пользовались, ездили на своих. Так я и поехал, добрались до почтовой станции Новгородка (на шоссе С.-Петербург — Киев — *В. Н.*) Хочу повернуть на Опочецкую дорогу, вдруг команда: — Поворачивай на Остров, — тут только до меня и дошло — к чему эти чемо-

даны, значит в Питер собрался, хочет на скорый попасть.

Ехали долго. Не те кони. Заморились, пришлось подкормить. Лишь под вечер оказались на вокзале. Генерал прямехонько к начальнику станции. А я пристроил лошадей, забрал вещи и пошел с барыней на перрон. Минут двадцать маялись в людской сутолоке. Гляжу, быстро шагает сам с начальником станции, а тут и поезд подоспел, и они прямо к вагону, где служебка главного кондуктора. Александр Викторович крикнул мне.

— Семён, проводи нас. — Я с вещами за ним. И тут в тамбуре он, с силой сжав моё плечо, сказал на прощание.

— Спасибо за службу, Семён. Если не вернусь, лошадей и пролетку возьмишь себе. Дарую!

Так мы и расстались.

— А потом? — спросил я.

— А что потом? Мужики ближних деревень поддались на уговоры матроса Тихонова из деревни Тучи. Он все увещевал: «Тараканов холодом морят, а господ огнем. Землю отобрали, а дома спалим. И возвращаться им не к чему».

— И спалили. Сожгли. Подчистую все усадьбы: Тригорское, Петровское, Дериглазово, Михайловское и Лысую Гору. Горела жарко, деревянная — дерево выстоялось. Запыхала, как порох. Верите, сердце щемило от этого страшного бедствия нашим же братом, мужиком, учиненного! А к чему? Не вразумил Господь. Лучше школу бы устроили, а то ребята годами мыкались, пешедралом и в дождь, и вьюгу добираясь до Святых, потом Пушкинских Гор. Ну, до пожара добро, конечно, разобрали — скотину, инвентарь в первую очередь, а потом каждый тащил, что хотел. Иван Ворогушинский на зеркало польстился, что в гостиной стояло. Привез, а в избу не лезет. Оставил пока на дворе, а тут как на грех, корова из хлева вышла, увидела в зеркале другую — не понравилось и так саданула — зеркало вдребезги. А парни с турецкого дивана и кресел кожу сдирали, чтобы на полусапожки своим дрялям (подружкам — *В. Н.*). А Володька Стекловский, тот от Фока чучело медведя уволок. Потом власти приказали все награбленное добро свезти в Святые Горы и скласть в пожарный

сарай. Ну, мужики, стало быть, часть свезли, а часть сожгли. Володька своего медведя тоже свез, и то чучело в Совете до прихода немцев в сохранности было. (Чучело медведя находилось в школе крестьянской молодежи до 1944 г. — *В. Н.*)

Не упустил и я свою пару, прихватил телегу, сбрую, да плуг с бороной и к матери перебрался в Бер'зовку. Хозяином лет с десять побыл, а там колхозы пошли...

— А что с Фоком?

— Лет пять тому назад Анна Ивановна, приторговывая ягодой, встретила на Турбазе дериглазовскую барыню. В летах уже, а признали друг дружку. Так та сказала, что поначалу жили они у дочки Александры Михайловны — Надежды Алексеевны. Потом Александр Викторович с племянником пропал, а вот с каким не знаю, врать не буду. Они оба в старших офицерах ходили. Самого генерала то ли Чека забрала, то ли они к белякам подались. Бог их ведает.

Так закончил свой рассказ Семён Илларионович.

Об этом загадочном исчезновении, если оно имело место, могли бы рассказать родственники опального генерала, не только ближайшие, но и дальние.

Только в одном Петербурге (тогда Ленинграде), как выяснилось, проживает около трёх десятков Фоков. Все мои попытки отыскать родственников по линии псковской ветви потерпели неудачу. Встречались просто однофамильцы или оренбургские родственники, вплоть до прямых потомков декабриста Александра Фока. В Петербурге, Уфе, Риге, в Москве обнаружались правнучатые племянники. Всем им известно, что А. В. Фок доводится, хотя и дальней, но именитой родней, интересуются послереволюционной судьбой и ничего толком о ней не знают. А многим приходилось долгие годы замалчивать или отрицать это родство.

Так было и с бывшим морским офицером, правнуком декабриста, Сергеем Сергеевичем Фоком (ныне живёт в Риге). В связи с таким родством он и не был назначен помощником командира атомохода. И далее он поясняет, что только от дяди Б. Н. Фока, жившего в Уфе (ум. в 1978 г.), узнал, что все сведения, распространяемые о генерале Фоке

— ложь, почерпнутая из романа А. Степанова. На самом деле, как считали родственники, после суда и оправдания он эмигрировал во Францию, где и погиб под Верденом. Однако, это не так. Из официальных источников известно, что Фок в 1913–1914 гг. жил на Лысой Горе. К тому же его кучер и горничная свидетельствуют, что в конце 1917 года он уехал в Петроград...

В 1991 г. зав. историко-краеведческим отделом музея-заповедника «Михайловское» Михаил Ефимович Васильев (ныне покойный — *В. Н.*) сообщил, что года два назад в заповедник приехала туристка из Болгарии, по профессии учительница. Познакомившись с нею, он узнал, что генерал-лейтенант А. В. Фок жил в Болгарии, в городе Свищове, был хранителем могил русских воинов, павших за освобождение Болгарии от турецкого ига. Он попросил болгарскую учительницу разыскать сведения о А. В. Фоке. (В 1999 г. из г. Казынлык она прислала портрет, возможно, один из последних, книжку воспоминаний генерала о форсировании Дуная в 1877 г., которую обнаружила в Гос. архиве г. Софии, ксерокопии некрологов из газет «Свищовские известия» от 4 и 11 декабря 1926 г. — все на болгарском языке. — *В. Н.*)

Вернувшись в Петербург, в свою очередь и я обратился с просьбой в посольство Болгарии в Москве, и ответ на него всё ещё ожидаю... Однажды, находясь у правнучатых племянниц генерала Елены Сергеевны и Веры Сергеевны Фок, просматриваю полученную ими справку из Государственного архива Древних Актов об их родословной, гляжу и глазам своим не верю — указана дата смерти Александра Викторовича — 1926 г. Есть ссылка на I часть 4 тома «Истории дореволюционной России в документах и воспоминаниях»⁶⁸. Там указана эта дата, правда, дата рождения неверная — 1842 год вместо 1843 — го, и нет никакого пояснения. Воспользовавшись советом старейшего, известного библиофила Национальной Публичной библиотеки, открыл подвижнический труд В. Н. Чувакова «Русский зарубежный некрополь (1917–1967)»⁶⁹. Там я действительно нашёл ответ на мучивший меня вопрос — где? «Фок Александр Викторович, генерал-лейтенант, родился — 1842 и умер — 1926 г.,

2 декабря, г. Свищов, Болгария». Основание: Париж, газета «Возрождение», № 557 от 11 и № 561 от 15 декабря. Бог с ним, с перепутанным годом рождения, важно, что указано место, где он скончался... В Болгарском консульстве уточнили: «Искомый Вами город есть Свиштов», — в переводе на русский дифтонг «шт» — переходит в «щ».

Примечательно, что генерал избрал для жительства именно этот город на берегу Дуная. Он напоминал ему боевую юность. Ведь на противоположном берегу находится город Зимница, тот самый, откуда он начал свою героическую переправу в 1877 году и высадился как раз в районе Свиштова, завязав бой с турками. Здесь, на этой земле покоятся боевые друзья и товарищи капитана Фока, могилы которых стали предметом его заботы, как правдиво и отмечала болгарская туристка. После многочисленных безуспешных поисков газеты «Возрождение», я обратился за помощью к своему давнему другу и родственнику, доценту МГУ И. Г. Петрову. И тот в спецхране Библиотеки им. Ленина нашёл оба номера нужных мне газет и сообщил мне их содержание.

Располагая такими сведениями о дальнейшей судьбе моего героя, я мог предположить, как сложилось кратковременное пребывание его в Петрограде, потому что хорошо знал прошлое Александра Викторовича, образ его мыслей, характер, а также родословную Фоков...

Как известно, приехав в Петроград, они поселились у Наденьки, дочери Александры Михайловны, которая рассказала, что братья её бежали к Краснову и вести о себе не давали. Жизнь отставного генерала в столице оказалась не из лёгких. Александра Михайловна, дама общительная, быстро возобновила отношения с обосновавшимися здесь соседями по имению: Шелгуновыми, Шушеринными, наверное, с Вревскими. Тогда как Александр Викторович, напротив, жил уединенно, подерживая связь с Викентием Иордановичем, игравшем значительную роль в Союзе адвокатов. Иногда он бывал у генерала Защука на Дворцовой пл. 4, кв. 21, изредка в доме Фоков появлялся двоюродный племянник (из Оренбургской ветви), тоже Александр Викторович или, как его звала Александра Михайловна,

«Фок — младший». Он был другом ее сыновей. Этот бывший полковник с безупречной военной выправкой, отличался остроумием, обладал запасом антисоветских анекдотов и, не как дед-декабрист, был ярым монархистом. Однако, подвизался в настоящем, скрывая своё прошлое, в одном из районов инструктором Всеобуча. К дяде относился с большим почтением.

Сходясь с Домбровским, друзья внимательно следили за складывающейся обстановкой в Петрограде и стране, с нетерпением ожидая открытия Учредительного собрания, полагая, что оно передаст власть законно избранному правительству, отобрав её от кучки заговорщиков. И тогда в стране возобновится процесс нормализации. 5 января 1918 года они стали свидетелями внушительной шестидесятитысячной демонстрации в поддержку Учредительного собрания, расстрелянной большевиками: 15 человек убито, 100 ранено. «Пролилась святая кровь рабочих Петрограда», — писала 6 января газета «Новая жизнь», в издании которой непосредственно участвовал Горький, регулярно читаемая генералами, наряду с кадетской газетой «Наш век». А в ночь с 6 на 7 января Учредительное собрание декретом ВЦИКА вообще перестало существовать.

Перспективы становились мрачными. К тому же были аннулированы государственные займы, в которые Фок вкладывал свободные деньги, но беда не приходит одна, следом лишился он пенсии — единственного сейчас источника существования, а затем пришла весть о гибели Лысой Горы. В условиях нарастающей нехватки продуктов, надвигающегося голода, катастрофического скачка цен, приходилось по дешевке спускать спекулянтам то немного, что удалось захватить с собой при отъезде из деревни.

А здесь ещё, в связи со срывом Брестских переговоров, началось германское наступление в направлении Псков — Нарва. Возникла прямая угроза захвата Петрограда. И впервые в истории города на Неве немецкие аэропланы совершили на него налёт. Как сообщала газета «Новая жизнь» от 3 марта, бомба была сброшена на углу Горсткиной улицы и Фонтанки, видно, метили в электрическую станцию «Гелиос». Вторая бомба

взорвалась на набережной у дома № 91. Несколько человек получили ранения. По городу поползли слухи об эвакуации учреждений и населения. Та же газета продолжала печатание «Несвоевременных мыслей» Горького, будоража общественное мнение, и не только о бессмысленности террора вообще, большевистского в частности, но и о духовном обнищании русских людей. Известный писатель утверждал: «В наши кошмарные дни совесть издохла». Некоторые из этих мыслей оба генерала разделяли.

Фок с болью в сердце воспринял Брестский мир. Для него это была трагедия, но как военный человек, умом он отлично понимал, что при развалившейся армии войну продолжать невозможно, надо идти на униженный мир... Это уже было в нашей истории...

Внушали тревогу проводимые обыски, аресты в связи с раскрытием заговора «Союза защиты Родины и Свободы», и начавшиеся расстрелы участников, среди которых было немало знакомых Викентия Домбровского. Аресты особенно усилились после убийства 20 июня Володарского, комиссара по делам печати и пропаганды Петрограда, и телеграммы Ленина Зиновьеву, тогда известной узкому кругу лиц, от 26 июня 1918 г.: «Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров и, особенно в Питере, пример коего решает. Привет. Ленин»⁷⁰.

Разрозненные выступления, мятежи эсеров им казались ненужными, плохо подготовленными, влекущими за собою новые жертвы. Так было, например, с захватом эсерами Пажеского корпуса. Выступление было подавлено, все разоружены, начались аресты. Но вот злодейское убийство царя, его семьи, ребенка-наследника вызвало душевную травму. Но что могли поделать они — старцы, разменявшие восьмой десяток? Только негодование! Конечно, в свое царствование государь совершил немало грехов и главнейший из них — принятие на себя верховного Главного командования с отстранением Николая Николаевича. Но расстрел без суда и следствия... Ужас! Оба они последовательно присягали на верность императорам Александру II, Александру III, Николаю II и со смертью

последнего освободились от присяги, но оставались по-прежнему монархистами, правда, либеральными, но готовыми посильно служить и новому монарху. Но кому? Кириллу? Фок хорошо помнит порт-артурские кутежи Великого князька, о котором после того, как утонул адмирал Макаров, а он спасся, в низах, да и не только в низах говаривали: «Золото на дно, а дерьмо поверху плавает»! Так что князьку — ни в коем случае, только дяде царя — Николаю Николаевичу, пусть и в обход прямого наследника! Ведь что Кирилл выкинул после свержения самодержавия — он приехал к председателю Думы Родзянко в Таврический дворец и заявил: «Я нахожусь в Вашем распоряжении со всем гвардейским экипажем»! Первым из императорской фамилии отрекся от своего монарха. Позор!⁷¹

Затем, 30 августа, когда совершилось покушение на Ленина, и убили в Петрограде председателя ЧК Урицкого, «чрезвычайка» заработала вовсю, полилась кровь и неповинных людей. Совнарком объявил в ответ Красный террор. Несмотря на свое неприятие Советской власти, Фок отмечал на улицах города подлинную народную печаль о Ленине. И он сам, как это ни странно, считал Ленина выдающимся государственным деятелем, и даже подспудно испытывал к нему нечто вроде уважения за последовательно проводимую им политику захвата и удержания большевиками власти, и создания в центре России «государства Совдепии». Как это ни дико, но умных противников он уважал. А вокруг бушует буря. На севере — генерал Миллер и англо-американцы, на северо-западе и Украине — немцы, Скоропадский, на юге — Алексеев, Краснов, Деникин, на востоке — Колчак, американцы, французы. К тому же сейм провозгласил независимой Финляндию, а румыны аннексировали Бессарабию. В Крыму под эгидой Германии создаются «ханства». Националисты Закавказья подписали с Турцией договоры о «мире и дружбе». Бурлит Туркестан. В довершение эмир Бухары и хан Хивы заявили тоже о своей самостоятельности.

С глубоко ранимой национальной гордостью и сознанием собственного бессилия следил генерал за водоворотом событий — развалом великой империи. Не доставало

только, чтобы объявилось ещё «Казанское или Астраханское царство»! Бедная Россия, веками объединяемая, а сейчас раздираемая на части. А внутри самой Совдепии, что было летом и осенью 1918 года! Он полностью разделял взгляд своего соратника по оружию и перу — генерал-лейтенанта П. И. Залесского: «В богатейшей стране мира люди голодают, нет хлеба в избытке. В ней нет медикаментов, нет одежды, нет обуви. Жилища разрушаются, фабрики и заводы запущены. Железные дороги в ужасном состоянии. Словом, страна разорена. Запасы разворованы»⁷². Звучит исключительно современно. А если соотнести этот текст со всем, что мне пришлось увидеть и пережить в своей жизни с нашими днями, то получится, что история повторяется не всегда в виде фарса, а принимает иногда поистине драматические формы, как сегодня, в дни начала 1991–1992-х годов.

Между тем, в стране уже гремели выстрелы. Началась братоубийственная война, по его мнению, безнравственная, растлевающая человека, когда брат идёт на брата, сын на отца. Если у каждого времени своя правда, то она далеко не всеми разделяется. Одна правда у красных, другая — у белых. У него же — своя правда — порядок, основанный на справедливости. Он никогда в глазах подчинённых не был «белой костью», но и не страдал дворянским покаянием, не чувствовал вины перед «чёрным народом», потому что всю свою сознательную жизнь был с этим народом, одетым в серые шинели. И если смог бы скинуть лет шесть и стать вновь в строй, то навряд ли решился пойти против своих солдат... Он собственными глазами видел в Петрограде, как рабочие в условиях хозяйственной разрухи, несмотря на нужду и лишения, и те же мужики в солдатских шинелях поддерживали броские лозунги Ленина: мир, земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим»!

Иногда всплывала потаённая мысль: «а может, это он сгоряча покинул Лысую Гору? Ну, отдал бы землю, лес и мирно дожил бы свой век, как это сделал Алексей Николаевич Куропаткин».

Замечу мимоходом, в 1922 или 1923 годах я видел ответы Куропаткина в анкете. На вопрос «Ваши убеждения?» отвечал: «Мо-

нархист». Вопрос: «Ваше отношение к Советской власти»? Ответ: «Лояльное». Он действительно умер в 1925 г. в своём имении на Псковщине.

И тут перед Фоком возникла другая картина: мужики, точно взбесившиеся, с проснувшимся тёмным инстинктом разрушения, грабят и жгут знакомые ему с детства усадьбы: Голубово, Воскресенское, Петровское, Дериглазово, Тригорское, Михайловское и родную Лысую Гору. Все эти поместья в той или иной степени связаны с именем великого поэта. Слышатся из прошлого века его пророческие слова: «Не приведи, Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

И со дна памяти, по контрасту, всплывали люди по-братски или дружески к нему относившиеся — болгары. Но туда не поедешь, пока там царствует Фердинанд, союзник Германии. С возрастом, что-ли, прошлое становится живее недавно минувшего. И вспомнилась та ночь, сыгравшая роль в его жизни. Дунай. Темнота, да такая, о которой дома говаривали: «Ни зги не видно». Он прыгнул в лодку и первым отчалил, за ним поспешила вся рота. Лодки плыли, с трудом преодолевая могучее течение великой реки в чрезвычайной тишине. Уключины обмотаны тряпками, ни звука, ни всплеска. Одиночные выстрелы помехой не были. Внезапность удалась. В кровь ободрав руки, в предельном напряжении вскарабкались на крутой берег. И тут только всполошились турки. Завязался бой и, смятая врага, рота первой ворвалась в болгарский город. Как его благодарили жители, и стар, и млад. Обнимали, жали руки... Шлейф воспоминаний протянулся к 1912 году. После успешного завершения Болгаро-Гурецкой кампании состоялась душевная встреча с Иваном Ефстафьевичем Гешовым — премьер-министром, с которым он был довольно в коротких отношениях. Потом его торжественно принимали в Свиштове, встречали как национального героя. Там бы и сейчас хорошо приняли, но...

Осенью экономическая и политическая ситуация резко обострилась. Голод. Холод. Разруха и запустение охватили Петроград, страну. Началась борьба за выживание. Бегство из Питера приняло массовый характер. По официальным данным к ноябрю 1918 года

население города сократилось в два с половиной раза. Характерно, что продовольственные карточки 1-й категории получили 909113 человек, а 4-й (бывшие) 703 человека⁷³. По сути, бывший генерал стал нахлебником у племянницы, вынужденной пойти работать машинисткой-секретарем, да ещё по воскресным дням заменять мать, привлечённую к трудовой повинности. С таким положением Александр Викторович смириться не мог и, чтобы хоть как-то помочь Надежде, пустил в оборот единственное, что у него оставалось — бриллианты с «Золотого оружия».

Скрывавшиеся эсеры и белые офицеры сеяли панику. Появившиеся эмиссары Деникина приступили к вербовке. В ответ «чрезвычайка» усилила аресты. Забирали не только тех, кто явно и открыто проявлял враждебность, но и был популярен среди населения, отказывался от трудовой повинности, уклонялся от посещения разного рода собраний или просто вел замкнутый образ жизни — вызывающий подозрение в лояльности к режиму.

Нарастали события в мире. За поражениями в войне последовал крах Австро-Венгерской монархии, распавшейся на ряд государств. В Болгарии произошло свержение Фердинанда и воцарение Бориса, ориентировавшегося на Атланту, и войска последней оккупировали страну. В ноябре создавалась республика в Германии. Кайзер бежал в Данию и, наконец, рухнул Брестский мир. В то же время по городу пошел слух о выступлении белых из Пскова в направлении на Торошино. Появившийся Фок-младший сказал, что там идет формирование Северной армии против центральной России.

Закрыты все оппозиционные газеты. Фок и Домбровский вынуждены были обратиться к официозу — газете «Известия» и, очевидно, с облегчением встретили сообщенную ими 16 ноября новость о назначении генерала Деникина главнокомандующим войсками юга России и создании там Всероссийского правительства во главе с генералом Драгомировым. В том же номере должна была привлечь их внимание и статья большевистского военного деятеля Подвойского о формировании трехмиллионной Красной армии. Они уже знали, что на службу к Советам

помимо Потапова, Бонч-Бруевича, перешли и такие «опытные и приличные генералы как Клембовский, Парский, Новицкий». Сомнительно, чтобы у Фока повернулся язык осудить их: «у каждого — своя правда»... Наверное, он очень болезненно воспринял слух о расстреле генералов Рузского, бывшего начальника штаба 2 Манчжурской армии в 1904 году, которого знал лично, и Радько-Дмитриева. И этот слух подтвердили те же «Известия». А здесь ещё Юзеф Домбровский сообщил потрясающую весть об исчезновении отца. Вечером явились несколько человек с ордером на обыск, забрали ценные вещи и увезли отца. Сын Юзеф несколько раз обращался на Гороховую 2, а затем и в Следственную комиссию, но получал один ответ, что о судьбе присяжного поверенного Домбровского ничего не известно. Так и пропал человек. Спустя годы и годы об этом трагическом событии мне рассказала его внучатая невестка Е. И. Домбровская, хотя о подобных историях я был слышан ещё в 1927 году: «Отец моей сокурсницы по Университету В. В. Квашневской, в прошлом видный петербургский адвокат, как-то говоря о положении интеллигенции в 1918 году — голоде, арестах, привел и такой факт. Его коллега, когда-то известный военный юрист, поплатился жизнью от рук «оборотней», к тому — же похитивших у него при аресте ценности». Я не уверен, упоминалась ли при этом фамилия потерпевшего. В ту пору для меня важнее была сама констатация факта. Наличие среди чекистов — «борцов за светлое будущее» и отъявленных мерзавцев-стяжателей, о чем тогда вслух предпочитали не высказываться. Теперь, задним числом, я не исключаю, что в обоих случаях, видимо, речь шла об одном человеке.

Для Александра Викторовича невосполнимая потеря друга была такая же психическая травма, как и смерть матушки. Вероятнее всего, несколько дней он находился в каком-то потрясенном состоянии и, наконец, решился на поворотный шаг в своей судьбе — уехать. Куда? Туда, где приютят по-человечески... Шаг этот не был следствием страха от случившегося с Домбровским или боязнью возможного ареста. Не продиктован он и озлобленностью, стремлением вернуть

утраченное состояние. Причины лежали глубже — это была своеобразная реакция на произвол, несправедливость по отношению к нему, бывалому, заслуженному воину, доведенному до нищенского полуголодного существования. Не лиши Советская власть военных ветеранов пособия, тогда многие из них подумали бы, прежде чем податься к белым или покинуть Родину. Не исключалась уязвленная гордость, самолюбие, такое случилось у стариков, в свое время избалованных почетом и наградами и вдруг лишенных простого внимания. Скорее всего, это объясняется физической невозможностью в 75 лет полноценно служить, не исключено, в той же народной армии, куда перешли некоторые коллеги помоложе...

О своём решении он даже не объявил родственникам, а всё рассказал забегавшему племяннику, и тот вызвался сопровождать дядю, рассчитывая добраться до Кутепова, с которым ранее был связан, находящегося в настоящее время у Деникина. И тут же передал слух о движении флота союзников в Крым, подтвердившийся, когда они уже были в дороге.

Конечно, для старика Фока путь к одному из южных портов оказался сложным переходом из одной зоны в другую и по времени весьма продолжительным. В районах, занятыми белыми, встречал он вдохновенных патриотов, гордившихся своей родиной и умиравших в боях с красными за идею «единой и неделимой России» под монаршим началом. На его взгляд и те, и другие не были врагами своей страны. Одни просто хотели вернуться к тому, чем они были, их противники — изменить все к лучшему и всех уравнять. Там же видел и иное, говоря словами Залесского: «Пьяные оргии. Да какие! С криками, песнями, гоготанием и свистом, стрельбой в стены и друг в друга». И находил объяснение — в отчаянии, в нравственном падении. Видел и жестокость с той и другой стороны, бессмысленную, выходящую за рамки законов войны, конвенции о пленных.

Как он оказался в Болгарии — неизвестно. Можно предполагать, что французские военные власти разрешили популярному в прошлом генералу проезд в Варну. Родина осталась далеко позади, а в ней близ-

кие ему люди, все состояние, вся прошлая, многотрудная жизнь, отданная служению Отечеству, и в этом он видел свой высший долг и патриотизм русского человека. Теперь начинался новый и заключительный этап в его жизни. В Софии он, вероятно, имел встречу с И. Е. Гешовым, тогдашним президентом Академии наук, и не без его участия получил вспомоществование от болгарского правительства или непосредственно от военного министерства.

В середине 1919 года он поселился в любезном его сердцу Свиштове. Руководство города, всё население тепло приняли своего почётного гражданина, помогли в обустройстве. Ему не надо было ассимилироваться: общность религии, мышления и знание обычаев и традиций облегчили вхождение в общество. Немалую роль играло и его высокое звание. Постепенно преодолевался и языковой барьер. Освоившись, он с помощью болгарских патриотов и церкви приступил к организации сбора средств на увековечение памяти русских воинов, павших за освобождение Болгарии. Со своими друзьями разъезжает по стране, привлекая к начатому делу болгарскую интеллигенцию, духовенство. Возраст почтенный, но он как-то умел стареть, сохраняя живость и остроту ума, полноту чувств, стараясь не поддаваться наступающим годам.

Не только в Свиштове, но и в других местах возрождаются, приводятся в порядок запущенные кладбища с потрескавшимися плитами с еле различимыми именами тех, кто отдал жизнь за свободу дружественного народа. Тем более, что здесь принято уважать могилы, заботиться о захоронениях.

С разгромом Врангеля в Крыму остатки его войска были эвакуированы в турецкий город Гелибалу, древний Галлиполи. Здесь и возник так называемый «Союз Галлиполийцев» во главе с генералом А. П. Кутеповым, его заместителем Е. К. Миллером. В 1921 году по согласованию со странами-победительницами войска этого союза разместились в Сербии и Болгарии, полностью сохраняя свою военную организацию. В Болгарии было расквартировано 17 тысяч галлиполийцев, там же оказался А. В. Фок-младший, ставший к тому времени генерал-

майором, близким к Кутепову лицом. Здесь вновь встретились дядя с племянником, но уже на болгарской земле, где через полвека появился собирательный образ Фока, о котором туристка и рассказала в Пушкинском заповеднике⁷³. Фок-старший по мере своих сил, а точнее связей, оказывал помощь в обустройстве русских солдат и являлся противником генерала Туркула, под командованием которого какая-то часть этих солдат подавляла выступление болгарских рабочих. С организацией Российского общевойскового союза (РОВОС), объединившего все военные силы в эмиграции с центром в Париже, туда переехал Кутепов, а с ним и генерал-майор Фок. Руководство этого союза направляло террористов в Советскую Россию, организуя диверсии и убийства, лелея надежду на скорую интервенцию. Оно энергично поддерживало претендента на Российский престол Великого князя Николая Николаевича в противовес Кириллу Владимировичу, объявившему себя в 1922 году местоблюстителем престола, а в 1924 году провозгласившего уже императором. Ушатом холодной воды для всех монархистов явилось 28 октября 1925 года, когда Франция признала де-юре Советский Союз.

Как правило, русскому, оказавшемуся за рубежом, временами свойственна ностальгия. Иногда щемящая, присущая значительной части двухтысячной части русских шоферов парижского авто, сплошь состоящей из офицеров, а то и доводящая до самоубийства вполне честных, благородных людей. Наверное, и у Фока бывали приступы тоски по родине, но только несколько иной, щадящей что — ли, когда вспоминаемое минувшее казалось не более далеким, чем настоящее. Перед мысленным взором возникали форты Порт-Артура, где шли жаркие бои, сопки Маньчжурии, а чаще всего виделась мирная Лысая Гора, её окрестности, изгибы реки Великой, так называемый Крутик — утёс метров 30 возвышавшийся над рекой, с вершины которого он подолгу любовался заречьем. А вот Тригорское вспоминалось редко, да и то в раннем детстве. Как-то ливень застал их с матушкой и тетушкой Марией Ивановной в парке, и они укрылись под разлапистой елью. Потом ему сказали, что эту ель очень любил Пушкин. После таких воспоминаний он не

раскисал, а тут же включался в заботы по русско-болгарскому содружеству, оказанию помощи землякам. Здесь он был свой человек.

На 84 году жизни Александр Викторович Фок скончался.

Несколько слов о газете «Возрождение», которую обнаружил в «ленинке» друг. Принадлежала она владельцу нефтяных промыслов в Румынии, брату кавказских нефтяных магнатов, А. О. Гукасову. Её главным редактором являлся небезызвестный, деятель легальный марксист, затем пересмотревший свои взгляды, видный деятель кадетов Петр Бернгардович Струве. Направление газеты было явно монархическое. В обоих номерах полно информации о Союзе — правдивой, полуправдивой и в большинстве лживой. Так, в номере от 11 декабря 1926 года сообщалось о большевизме, большевиках, уличаемых в воровстве. Писалось о крупных суммах, присвоенных послом Красиным (когда умер, обнаружено 300 тысяч золотом), похищенных в 1920 году Орджоникидзе 5 миллионов рублей. Множество материалов о положении крестьянства с комментариями Петра Струве и Василия Шульгина, только что побывавшего в России. Извещается о концерте Н. В. Плевицкой, съезде «Союза Галлиполийцев», собрании корниловского ударного полка, собрании членов марковского ударного полка и проч. И в разделе «Хроника»:

«Панихида по генерал-лейтенанту Александру Викторовичу Фок. В воскресенье 12 декабря, после обедни в 12 часов дня в походной церкви «Союза Галлиполийцев» генерал-майором А. В. Фок будет отслужена панихида по скончавшемуся в Болгарии его дяде генерал-лейтенанту А. В. Фок».

Не в какой-нибудь из 13 православных церквей, а «Союза Галлиполийцев» на ул. рю Мадемуазель, 81, членом которого состоял Фок-младший!

В той же газете от 15 декабря 1926 года:

«Генерал-лейтенант А. В. Фок. Нам пишут из Болгарии. 2 декабря скончался в городе Свищове генерал-лейтенант Александр Викторович Фок. Покойный генерал был одним из блестящих героев кампании освобождения Болгарии.

В «Альбоме русских ветеранов Освободительной войны» находим следующие

биографические данные о покойном. (Предисловие к этому альбому написано одним из самых выдающихся болгарских государственных деятелей, ныне тоже покойным Иваном Евстафьичем Гешовым):

«Родился в 1842 году. Как командир 3 стрелковой роты 55 пехотного Волынского полка капитан Фок в освободительной войне был тем русским воином, который первым вступил на Болгарский берег. Первая весенняя ласточка, первый луч зари нашего освобождения, он же был первым кавалером русского ордена «За храбрость» (крест Св. Георгия) в русско-турецкой войне. Также участвовал в пятимесячной защите Шипкинского прохода и в трехдневных кровопролитных боях, решивших исход войны. Генерал Фок — общеизвестный герой Порт-Артура, где он командовал одним из секторов обороны осажденной японцами крепости. Имеет боевые награды: Св. Георгия IV и III ст., Св. Владимира II ст., Св. Анны и Св. Станислава I ст. с мечами. В настоящее время проживает в Свищове».

По воле Творца герою освобождения Болгарии суждено было закончить свой жизненный путь как раз в том же городе, где он пятьдесят лет тому назад явил образец героического мужества: чтобы увлечь своих солдат, он сел один в первую лодку и переплыл Дунай, высадившись в Свищове. Захваченная его примером, последовала за ним вся воинская часть, первая вступила на болгарскую землю.

Потомки освобождённых покойным генералом жителей г. Свищова благоговейно проводили усопшего в его последний земной путь.

Ушёл ещё один из тех, чья долгая жизнь самоотверженного служения творила славу и величие нашей Родины. Да будет ему легка та земля, которую он самоотверженно, не щадя живота своего освобождал назад тому полвека!

София. 8 декабря. Н. Николаевский».

Перед нами эмоциональное свидетельство лица, лично знавшего покойного, и в нем сила документа, надежно подтверждающего, что для А. В. Фока не было выше авторитета родного Отечества. Что человек этот не подличал, не пресмыкался, жил по законам

чести и совести, и пользовался признанием
братского народа.

Собственно на этом и завершается
история «Злого гения», одного из последних

птенцов Тригорского гнезда. История слож-
ная и печальная, говорящая нам, что А. В. ок
был «Добрый гением!»

А. А. Попов

Примечания

- ¹ Биржевые ведомости. 1904. 21 декабря.
- ² Там же.
- ³ Новое время. 1905. 3 января.
- ⁴ Новое время. 1904. 21 декабря.
- ⁵ РГВИА. Ф. 801 оп. 112. д. 12. л. 10.
- ⁶ Новое время. 1904. 25 декабря.
- ⁷ Новое время. 1904. 26 декабря.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 158.
- ⁹ РГВИА. Ф. 400. оп. 112. д. 12. л. 1.
- ¹⁰ Ножин Е. К. Правда о Порт-Артуре. СПб. 1906. Т. 2. С. 433.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 400. оп. 21. д. 367. л. 1.
- ¹² РГИА. Ф. 1343. оп. 31. д. 1317. л. 3; Памятная книжка Псковской губ. Псков, 1907. С. 165.
- ¹³ Там же. 1908. С. 182.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 400. оп. 21. д. 3671. л. 11.
- ¹⁵ Там же. л. 27.
- ¹⁶ Русская революция в сатире и юморе // Известия ЦИК СССР. 1925. С. 75.
- ¹⁷ Ножин Е. К. Правда о Порт-Артуре. СПб. 1906. Т. 2. С. 400.
- ¹⁸ Биржевые ведомости. 1909. 7 мая.
- ¹⁹ Степанов А. Н. Порт-Артур. М. «Советский писатель», 1947. Т. 2. С. 572.
- ²⁰ История СССР. Ч. III. М.: «Учпедгиз», 1954. С. 31.
- ²¹ РГВИА. Ф. 801. оп. 112. д. 53. Объяснительная записка генерала Фока.
- ²² РГВИА. Ф. 801. оп. 112. д. 53. л. 1–4, 8.
- ²³ Там же. л. 17–18, 28–30.
- ²⁴ Там же. л. 1.
- ²⁵ Там же. д. 13. т. 1. л. 37, 52.
- ²⁶ Там же. л. 54.
- ²⁷ Там же. л. 6.
- ²⁸ Список генералов по старшинству на 1 мая 1904 г. СПб. 1904, с. 579.
- ²⁹ Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1904 г., с. 315.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 400. оп. 21. д. 3671. л. 76.
- ³¹ Там же. Ф. 801. оп. 112. д. 13. т. I. л. 69.
- ³² Там же, л. 70.
- ³³ РГИА. Ф. 1349. оп. 6. д. 692. Формулярный список чиновников Оренбургской губ. 1815 г.
- ³⁴ Картотека Б. Л. Модзалевского.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 400. оп. 21 д. 3671.
- ³⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 294.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 801. оп. 112. д. 13. т. 1. л. 24, 98.
- ³⁸ Там же. л. 98; Попов А. А. Декабристы-псковичи. Л.: Лениздат, 1980. С. 42, 49.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 409. оп. 1. д. 257582.
- ⁴⁰ Биржевые ведомости. 1909. 7 мая.
- ⁴¹ Фок А. В. «Заметки» // «Речь генерал-лейтенанта Домбровского на Порт-Артурском процессе. СПб. 1906. С. 20.
- ⁴² Там же. С. 130, 141, 144; Краснов П. Летопись войны с Японией. № 41. С. 91.
- ⁴³ После войны. Генерал Фок и его «Заметки». Сборник. СПб. 1906. С. 20.
- ⁴⁴ Там же. С. 22.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 801. оп. 112. д. 72.
- ⁴⁶ Новое время. 1908. 4 января.
- ⁴⁷ Новое время. 1904. 22 октября.

- ⁴⁸ Новое время. 1904. 21 декабря.
- ⁴⁹ Биржевые ведомости. 1908. 2 февраля; Речь генерал-лейтенанта Домбровского на Порт-Артурском процессе. СПб. 1908. С. 1–109.
- ⁵⁰ Петербургская вечерняя газета «Сегодня». 1907. 16 июня.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 891. оп. 112. д. 113. т. I. л. 97, 43–44.
- ⁵² Там же. Д. 72. лл. 4–6, 10, 12, 14, 65.
- ⁵³ Там же. Л. 9, 12.
- ⁵⁴ Весь Петербург. СПб. 1914. С. 208.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 409. оп. 1. д. 257582. л. 25.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 801. оп. 112. д. 13. т. I. л. 85.
- ⁵⁷ Фок А. В. Капитан фон Шварц в Киньчжоуском бою. СПб. 1910. С. 43.
- ⁵⁸ Мир Божий. 1848. № 9. С. 226–228; Альбом «Пушкинский уголок» / Сост. В. П. Острогорский. СПб. 1899. С. 112.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. оп. 26. д. 3671. л. 26.
- ⁶⁰ Памятная книжка Псковской губ. Псков, 1909. С. 182.
- ⁶¹ Исторический вестник. 1909. Ноябрь., л. 26.
- ⁶² ГАПО. Ф. Р-100. оп. 1. д. 1046. л. 6.
- ⁶³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. I. С. 433–434.
- ⁶⁴ Пушкин и его современник. СПб. 1913. С. 112.
- ⁶⁵ РГАДА. Справка № 759. 11 сентября 1990 г.
- ⁶⁶ Фок А. В. Капитан фон Шварц в Киньчжоуском бою. СПб. 1910. С. 37.
- ⁶⁷ Савыгин А. М. Пушкинские Горы. Л.: Лениздат, 1976. С. 40.
- ⁶⁸ История дореволюционной России в документах и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 4 Ч. I. М., 1983. С. 311, № 1967.
- ⁶⁹ Чуваков В. Н. Русский зарубежный некрополь. 1917–1967. М., 1969. С. 538.
- ⁷⁰ Ленин В. И. Телеграмма Зиновьеву. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.
- ⁷¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1991. 6 ноября.
- ⁷² Залесский П. И. Возмездие. Причины русской катастрофы. Берлин, 1925. С. 5–6.
- ⁷³ Известия ВЦИК. 1918. 17 ноября.

Пояснения

Порт-Артур — город, незамерзающий порт и военно-морская база Китая на юго-западе Ляодунского полуострова — Квантунском полуострове, у входа в заливы Ляодунский и Бохайвань. Порт и крепость построены в 80-х гг. XIX в. на месте рыбацкой деревни Люйшунь-коу, руководил строительством германский инженер Ганнекен. В 1894 г. во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. Порт-Артур был взят японскими войсками и отошел к Японии. Под давлением России, Германии и Франции был возвращен Китаю. 15 (27) марта 1898 г. в Пекине была подписана Россией и Китаем конвенция, по которой Квантунский полуостров с крепостью Порт-Артур передавался России в аренду на 25 лет. Полуостров и прилегающие к нему острова образовали Квантунскую область, которая в 1903 г. вместе с Приамурским генерал-губернаторством вошла в состав наместничества на Дальнем Востоке. Во главе наместничества был поставлен адмирал Алексеев. После окончания русско-японской войны по Портсмутскому мирному договору 1905 г. арендные права на Порт-Артур перешли к Японии. Японская оккупация длилась до 1945 г. В настоящее время Порт-Артур принадлежит КНР.

Цзынджоу (Цзиньчжоу, Наньшань — возвышенное плато) — один из четырех городов Квантуна, а также возвышенность, пересекающая Ляодунский полуостров в самом узком месте.

Алексеев Евгений Иванович (1843–1918) — адмирал, генерал-адъютант... В 1903–1905 гг. — царский наместник на Дальнем Востоке с подчинением ему Приамурского края, Забайкальской области, Маньчжурии и Квантунской области, командующий войсками Квантунской области. Странник развязывания войны. С началом русско-японской войны назначен главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке... В

октябре 1904 г. был освобождён от обязанностей главнокомандующего и заменен генералом Куропаткиным. С упразднением в 1905 г. Дальневосточного наместничества был назначен членом Государственного совета.

Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) — генерал-лейтенант... Комендант крепости Порт-Артур. С марта 1904 г. — начальник Квантунского укрепленного района. За сдачу крепости японцам был отдан в 1906 г. под суд вместе с другими... Верховный военно-уголовный суд 7 февраля 1908 г. приговорил Стесселя к расстрелу, замененному десятилетним заключением в Петропавловской крепости, но уже 6 мая 1909 г. он был освобожден по распоряжению Николая II и уехал за границу.

Кондратенко Роман Исидорович (1857–1904) — генерал-лейтенант. Окончил Военно-инженерную академию и Академию Генерального штаба. Перед русско-японской войной служил в штабе Приамурского военного округа, командовал Седьмой Восточносибирской бригадой в Порт-Артуре. С началом войны назначен командующим сухопутной обороной Порт-Артура. Погиб 2 декабря под обстрелом японской артиллерии».

Фок Александр Викторович (25.08.1843 – 01.12.1926) — генерал-лейтенант, «из дворян Оренбургской губернии. Окончил курс в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и во II Военно-Константиновском училище по I разряду. В службу вступил 23 августа 1863 г. подпоручиком с определением в 99 пехотный Новгородский полк... Находился в походах и делах Европейской Турции в войне 1877–1878 гг. в составе генерал-лейтенанта Радецкого... в бою в Систовских позициях и взятии г. Систова... 9 ноября в отражении неприятельской попытки штурма г. Св. Николая... с 19 декабря по 28 декабря в сражениях на Шипкинском перевале... взятии в плен всей Шипкинской армии Веселя-Паши;

1 января 1878 г. в спуске с Балкан в г. Казынлык... награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» 18 августа 1901 г... За отличия в делах против японцев пожалован золотым оружием с надписью «За храбрость» с бриллиантовыми украшениями 4 января 1904 г... Вышел в отставку 2 апреля 1908 г. по домашним обстоятельствам...». (Никифоров В. Г. Сельцо Лысая Гора и его владельцы // Псков. 2006. № 25. С. 127). Скончался 1 декабря 1926 г. в Болгарии. Похоронен в г. Свиштове. (Свищовские известия. 1926. 11 декабря).

Фок Алексей Викторович (11.10.1846 – 1909), брат А. В. Фока. «...Воспитывался в Николаевком училище гвардейских юнкеров. В службу вступил в I военное Павловское училище юнкеров 1865 г. августа 26... по экзамену произведен в прапорщики 1867 г. июля 17, в 17 Драгунский Северский Его Величества короля Датского полк... Поручиком — в 1869 г.; в штаб-капитаны — в 1875 г... Высочайшим приказом по собственному желанию переведен в приграничную страну... переведен сотником в Кубанский казачий полк в 1877 г. мая 23... За отличия в делах с турками 1877 г. ноября 29 награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом 1877 г. ноября 29... За отличия против турок награжден орденом Св. Анны 3 ст. 1878 г. января 13. За таковые отличия награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом 1878 г. мая 19. За отличия против турок под Филиппополем награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами 1879 г. июля 12... Был под судом за участие в поединке между капитаном 16 Драгунского Нижегородского полка Витте и штаб-капитаном 17 Драгунского Северского полка Вейсман и по приговору Кавказского военного суда, состоявшегося 6 апреля 1872 г. от обвинения отозван. По Высочайшему повелению своего начальства Высочайшим Приказом 1880 г. февраля 5 дня ротмистр Фок уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром. (РГВИА. Ф. 409. оп. 2 д. 27319. л. 35–38 об.)

Через какое-то время Алексей Викторович вновь вернулся на службу. В начале нового века он служил в Туркестанском военном округе помощником начальника города Ташкента, и 15 октября 1905 г. по болезни уволился со службы с чином полковника. Вернувшись домой, в имение Лысая гора, А. В. Фок занял должность Земского начальника 2 участка Опочецкого уезда Псковской губернии. Однако в ноябре 1908 г. по болезни вышел на пенсию. Последние сведения о нем датируются январем 1909 г. Похоронен А. В. Фок на кладбище Казанской церкви на Тимофеевой Горке, ныне поселок Пушкинские Горы. — В. Н.»

Домбровский Викентий Йорданович... (сведений нет).

Макаров Степан Осипович (1848–1904) — вице-адмирал, флотоводец, океанограф, теоретик военно-морского дела, написавший более пятидесяти научных работ, мореплаватель дважды обогнувший земной шар, исследователь Арктики. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ... Командовал эскадрой Средиземного моря, направленной в 1894 г. на Дальний Восток В 1897–1898 гг. построил по собственному проекту ледокол «Ермак», на котором плавал в морях Арктики... 24 февраля 1904 г. прибыл в Порт-Артур. Погиб 31 марта на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японской мине.

Витгефт Вильгельм Карлович (1848–1904) — контр-адмирал, начальник морского отдела штаба заместителя. С 22 апреля 1904 г. временный командир Тихоокеанской эскадры вместо вице-адмирала Н. И. Скрыдлова...

Григоренко А. А. (1864–?) — военный инженер, полковник, с февраля 1904 г. исполнял должность начальника инженеров крепости Порт-Артур. Принимал участие в строительстве крепостных сооружений с 1899 г. В 1908 г. привлекался к уголовной ответственности за злоупотребления при производстве инженерных работ на Квантуне, но «за давностью преступления» освобожден от наказания.

Никитин Владимир Николаевич (1848–1917) — генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1904 г. — начальник артиллерии Третьего Сибирского армейского корпуса. Позже был командующим войсками военного корпуса в Иркутске и Одессе; в 1916 г. — комендант Петропавловской крепости. В 1917 г. был расстрелян как сторонник Распутина.

Кирилл Владимирович Романов (1876–?) — великий князь, двоюродный брат царя Николая I, контр-адмирал. В 1904 г. назначен начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане. После революции эмигрировал за границу, где объявил себя императором всероссийским Кириллом I.

Рейс (сведений нет).

Смирнов Константин Николаевич (1854–?) — генерал-лейтенант, служил в Генеральном штабе, был начальником одесского юнкерского училища, начальником штаба Варшавской крепости. С 1900 г. — на Дальнем Востоке... 2 февраля 1904 г. назначен комендантом крепости Порт-Артур. В 1906–1908 гг. привлекался к уголовной ответственности вместе со Стесселем, Фоком и другими за сдачу крепости японцам. Решением Верховного военно-уголовного суда 7 февраля 1908 г. был оправдан.

(Примечания Л. Полосиной)

Вревские. Род баронов Вревских, потомков кн. Куракина и потомков владелицы им. Тригорское П. А. Осиповой-Вульф от первого брака с Н. И. Вульфом.

Корсаковы. Костромская ветвь дворян Корсаковых. Один из её представителей студент Дерптского ун-та Георгий Сергеевич в 1870 г. женился на дочери владельца сельца Васильевского, соседнего с Михайловским, Лидией Александровной Лихардовой. Их сын Георгий Георгиевич, р. в 1878 г. был уездным предводителем дворянства и председателем уездного пушкинского комитета по управлению сельцом Михайловским и колонией, носившей имя поэта.

Шелгуновы. Владельцы сельца Дериглазова, соседнего с Михайловским. Происходят из опочечких казаков. Павел Семенович Шелгунов был женат на дочери владельца этого сельца Дарье Герасимовне Сумороцкой. Их сын Никанор Павлович владел Дериглазовым в годы ссылки поэта в Михайловское. А. В. Фок и его племянница Александра Михайловна, видимо, были знакомы с младшим сыном Никанора Павловича и Надежды Клементьевны, урожд. Россихиной, Дмитрием Никаноровичем Шелгуновым, и семьей его дочери Евгении Дмитриевны Княжевич.

Шушеринны. Владельцы сельца Ругодево, расположенного в соседнем Новоржевском уезде. Николай Михайлович и Наталья Николаевна — хорошие знакомые родителей

А. С. Пушкина, не раз гостившие в Михайловском. Фоки, очевидно, были знакомы с их потомками. (Мир Пушкина. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных и их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. СПб., 1993. С. 16).

Третьяков Николай Александрович (1854–?) — полковник, впоследствии генерал-майор. В 1904 г. командир Пятого Восточносибирского полка, комендант цзинджоуской позиции и горы Высокой. А. Степанов. «Порт-Артур»с. 636 (Не псковский ли помещик? Владелиц дер. Стригово, располож. на вост. берегу озера Балагуля, потомок коллежского секретаря Ивана Сергеевича Третьякова, соседа П. А. Осиповой-Вульф, владел дер. Килкиной и др. дер.).

(Примечания В. Г. Никифорова)

Приложение

Родословие генерал-лейтенанта Александра Викторовича Фока (1834–1926)

Генерал-лейтенант А. В. Фок был старшим сыном Екатерины Ивановны, урожденной Осиповой, дочери владелицы Тригорского П. А. Осиповой-Вульф и оренбургского дворянина, полковника Виктора Александровича Фока. Считается, что в 1841 г. молодые обвенчались, но точно когда и где, не известно (В Государственном архиве Псковской области в метрических книгах за 1840 и 1841 гг. Георгиевской и Воскресенской церкви пригорода Воронич записи о венчании Фоков не обнаружено). Прасковья Александровна выделила молодым часть своего имения, — по нашим расчетам, это место бывшей деревни Хлыстовки, где на высоком берегу реки Великой, главной реки нынешней Псковской области, Фоки построили усадьбу и назвали ее Лысой Горой.

Свекром Екатерины Ивановны Осиповой-Фок был Александр Карлович Фок, а свекровью — Прасковья Никитична, урожденная Карабцова, дочь Титулярного Советника и Аксины (урожд.?)

По документам Государственного архива Кировской области, у Прасковьи Никитичны были сестры: Анисья, Анна и брат сержант Петр. Титулярный советник, имя его неизвестно, владел в Оренбургской губернии Бузулукском уезде сельцом Михайловским, Карабцовым тож. Сержант продал своей сестре Прасковьи это имение, она, Анисья и Анна свое право на наследование доказать не могли. Прасковья заложила это имение своему мужу Александру Карловичу Фоку 1000 десятин за 15000 руб., выкупить на срок в 1821 г. не смогла и имение пошло на аукционный торг. Его купил коллежский советник Николай Стрелков за «10030 рублей...»¹.

Александр Карлович Фок

«Формулярный список о службе исправляющего должность Вятского (ныне г. Киров) обер-форштмейстера (лесничего) Коллежского Советника Фок... июля 21 дня 1827 г.» рассказывает: «...Коллежский Советник и кавалер 58 лет... (род. 1769 г.) имеет Казанской губернии Чистопольского уезда в деревне Майне мужеска пола 19 душ...»². В службу вступил в 1782 г. в лейб-гвардии Преображенский полк. Сержантом стал в 1791, а в 1794 г. «капитаном переведен к статским делам — определен землемером» и в следующем году по Высочайшему именному указу переведен в титулярные советники. В 1801 г. стал коллежским ассессором и в 1803 переведен в межевую контору 2 членом. Через положенное время стал надворным советником, в 1814 г. стал 1 членом Оренбургской межевой конторы и вскоре коллежским советником со старшинством. В 1823 г. по прошению, как тогда говорили, уволился из «межевого правительства» и стал Вятским обер-форштмейстером (главным лесничим). «За отличное усердие в 1825 г. был пожалован орденом Святого Владимира 4 степени»³.

В 1814 г. Александр Карлович отправился к месту новой службы в Оренбургской межевой конторе в г. Уфу, о чем он ставил в известность оренбургского гражданского губернатора в своем рапорте: «Для излечения приключившейся мне болезни находился я в губернском городе Вятке... но ныне получив от болезни совершеннейшую свободу имею непременно

отправиться сего июня 18-го числа к порученной мне должности Оренбургской губернии в город Уфу...»⁴. Уезжая из Вятки, он не мог лично проститься с губернатором. В письме к нему пишет: «Крайне прискорбно мне выезжать из Вятки, не имея чести с Вашим Превосходительством проститца...но от того не поколеблетца в душе моей к Вашему Превосходительству всегдашней преданности и то высокопочитание, которое я ко особе вашей хранить буду... примите мое семейство под ваше покровительство, и защиту от всяких могущих быть неприятностей...»⁵.

Старший сын Александр Александрович — поручик лейб-гвардии Измайловского полка был причастен в происшествию 14 декабря 1825 г. и арестован. Его потомок, капитан 2 ранга Балтийского Флота, Сергей Сергеевич Фок живёт в г. Риге. Он был в переписке с А. А. Поповым и сообщил ему некоторые материалы о своём роде.

Александр Карлович к 1827 г. был вдов. «Детей имеет: «Александра — 24, Николая — 22, Апполона — 21, Петра — 20, Виктора — 17-ти, которые находятся в военной службе. Дочерей: Наталью, Анастасью — выданных в замужество, Елизавету, Варвару, Софью, Анну и Марью, находятся при нем.». (Пунктуация наша — *В. Н.*). Из 12 детей младшим сыном Александра Карловича и Прасковьи Никитичны был Виктор Александрович, будущий муж дочери П. А. Осиповой-Вульф, владелицы с. Тригорского, Екатерины Ивановны Осиповой (1823–1909).

Виктор Александрович Фок

Как сообщается в послужном списке отца, Виктору в 1827 г. было 17 лет, значит, родился он в 1810 г. Из метрической книги «Губернского города Вятки Владимирской Богородицкой церкви» из первой части (когда, кто родился, кем крещен...) узнаем, что «...межевой конторы у втораго члена надворнаго советника Александра Карлова сына Фока сын Виктор; Ноября число рождения 15; число крещения 16; Восприемником был гражданской палаты советник Матвей Ермолаев сын Долгосабуров»⁶.

Примечания

¹ ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 583.оп. 55. д. 2595. л. 110 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 583. оп. 44. д. 142. л. 110.

⁵ Там же. л. 117 об.

⁶ Там же. Ф. 237. оп. 75 д.181. л. 4.

(В. Г. Никифоров)